

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕ-
ВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт/факультет/филиал Исторический факультет
(полное наименование института/факультета/филиала)
Выпускающая кафедра Отечественной истории
(полное наименование кафедры)

Альмухометов Григорий Радиевич

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Тема: Особенности сознания различных групп общества в Германии в 1933-
1945 гг.**

Направление подготовки/специальность 44.03.01. Педагогическое образование
(код направления подготовки/код специальности)
Направленность образовательного профиля: История
(наименование профиля для бакалавриата)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
к.и.н., доцент И. Н. Ценюга
(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)
_____
(дата, подпись)

Руководитель
к.псх.н., доцент О. М. Миллер
(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

Дата защиты 26.06.18
Обучающийся Альмухометов Г. Р.
(фамилия, инициалы)
01.06.18
(дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Теоретико-исторические и методологические основы темы	
1.1. Особенности форм общественного сознания.....	6
1.2. Механизмы воздействия на общественное сознание.....	11
1.3 Психология и истоки идеологии нацизма.....	18
ГЛАВА 2. Особенности сознания различных групп общества в Германии в период 1933-1945 гг.	
2.1. Характеристика особенностей сознания различных групп общества в Германии с точки зрения психологии и общий контекст исторической ситуации в период Третьего Рейха.....	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	69

ВВЕДЕНИЕ

Идеология национал-социализма представляет собой довольно специфическую теорию политического, социального и экономического уклада общественной жизни. Она оставила колоссальный след в истории и является, по сути, симбиозом взглядов одного человека, настроений, которые преобладали в умах отдельного народа, и соответствующих этим настроениям учений. Сущность нацизма интересна как для политологии и социологии, так и для психологии. Как политическая идеология, основоположники которой сумели достичь власти, она сумела привлечь немалое количество своих сторонников. Именно поэтому изучение данной теории, условий ее появления и идей, представленных в обществе в данный период представляют немалую важность для современного общества. Выяснение взаимовлияния психологических и политических подоплек позволяет установить взаимозависимость данных тенденций, а порой исследования в данной области могут помочь при прогнозах социальных последствий тех или иных событий, происходящих в жизни общества.

Целью дипломной работы является исследование особенностей сознания различных групп общества в Германии в период 1933-1945 гг.

Методологической основой работы послужили принципы сравнительно-исторического, системного, структурно-функционального и психологического анализа. В ходе работы использовался комплекс исторических, социологических и психологических описательных методов.

Структурно, дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

В первой главе дается характеристика методологических подходов изучения проблемы с точки зрения психологии а также характеристика психологии и истоков идеологии нацизма. Во второй главе речь идет непосредственно об особенностях сознания различных групп общества в Германии в данный период.

Целью дипломной работы является исследование особенностей сознания различных групп общества в Германии.

Предметом исследования дипломной работы являются группы общества в Германии в период 1933-1945 гг.

Объектом исследования является непосредственно общественное сознание в данный период.

В рамках дипломной работы рассматриваются следующие общественные группы: средний класс(рабочие, крестьяне и т.д.), экономическая элита (предприниматели и т.д.), молодежь, партийная и военная элита (СС, и т.д.)

интеллигенция, национальные меньшинства (евреи и неарийцы), духовенство и церковь.

Актуальность темы определяется большой значимостью исследования идей национал-социализма для понимания причин данного явления и недопущения подобного в дальнейшем историческом контексте.

Рассматриваемая в дипломе тема имеет большое значение для политологии и психологии. Исследование вопросов, связанных с приходом и пребыванием у власти национал-социалистской партии в Германии и того, какими методами и с помощью каких пропагандистских средств ее лидеры формировали менталитет немецкого народа, характеристика непосредственно этого менталитета и выявления особенностей в сознании общества в Германии представляет особый интерес для современной науки. Речь идет об изучении особенностей идеологического воздействия на сознание масс в условиях тоталитарной формы правления, а также роли политической составляющей в манипулировании общественным мнением и непосредственное рассмотрение конечного проявления этого воздействия - рассмотрения особенностей сознания людей. Эти явления, основанные на политических технологиях, хотя и в модифицированном виде, представляют реальную опасность в современном информационно-коммуникативном обществе для стабильного, демократического развития многих стран.

Объясняя причины появления в последние годы многочисленных «досье» и воспоминаний о Гитлере и других главарях Третьего рейха, итальянский ученый Роберт Конкуэста отмечает, что образы и идеи бывших диктаторов Европы воскресают не случайно. Они появляются именно тогда, когда в обществе зреет потребность на них. Кризисные процессы в целом ряде стран современного мира создают благоприятную почву для возникновения и развития тоталитарных тенденций и экстремистских идеологий.

Смысл исторической памяти — в извлечении уроков из пережитого. «Народ, — писал известный американский философ Сантаяна, — который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить»¹. Пример фашистской Германии в данном контексте является весьма показательным и может служить серьезным предостережением всем тем, кто недооценивает реальную опасность возрождения нацистских тенденций, методов и форм пропаганды в современном обществе. Этим определяется политическая актуальность темы данной дипломной работы.

В ходе исследования были использованы наиболее значимые работы психологов и историков, исследовавших данную тему: Р. Чалдини «Психология влияния», В. Райх «Психология масс и фашизм», Т. Адорно «Исследование авторитарной личности», Э. Фромм. «Анатомия человеческой деструктивности», «Психология нацизма», А. Патрушев, «Германия в XX веке», Г. Филатов. «История фашизма в Западной Европе», Пленков О.Ю. Третий Рейх. «Нацистское государство» и другие, также анализировались непосредственно источники данного периода.

ГЛАВА 1

1.1. Особенности форм общественного сознания

Формы общественного сознания представляют из себя политическую идеологию, правосознание (право), мораль (нравственность), религию, науку, искусство (эстетическое сознание), философию и являются различными способами духовного освоения действительности. Их классификацию можно представить следующим образом:

1. По предмету отражения. Политическое сознание (к примеру), является отражением отношения к власти, совокупностью отношений между классами, и государствами. Религиозное сознание является отражением зависимости человека от божественных, потусторонних сил.

2. По средствам отражения. К примеру - наука отражает действительность с точки зрения научного подхода к познанию - в понятиях, гипотезах, теориях, искусство — в художественных образах, религия — в церковных постулатах.

3. По особенностям своего развития. Для науки, к примеру, главным является прогресс и развитие познания, как метода научного подхода, а в искусстве прогресс не является основным показателем развития.

4. По выполняемым социальным функциям. Так, наука имеет познавательную и практическую функции - как средство изменения природы, социальной сферы и непосредственно самого человека, искусство же выполняет другие функции - эстетическую, воспитательную и познавательную.

В совокупности, те основные признаки, что были приведены выше, могут позволить отделить эти формы общественного сознания одну от другой. При этом каждый последующий признак не стоит особняком, а как бы включает в себя предыдущие, поэтому из них и формируется целостный критерий выделения отдельных форм общественного сознания.

Формы общественного сознания взаимодействуя друг с другом и тесно переплетаясь между собой влияют друг на друга. К такому взаимодействию, и к собственно формам, необходим исторический подход, потому что для каждого исторического типа общественного сознания характерен и особый тип взаимодействия его форм.

Каждая из отдельно взятых форм общественного сознания будет отражать какую-то определенную сторону действительности: в политической идеологии отражаются межклассовые отношения, отношения между нациями и государствами, в морали — происходит рассмотрения отношений людей друг к другу, отношение человека к общему социуму и т. д. Кроме того, каждая форма общественного сознания обладает и своими специфическими средствами или способами отражения. Искусство отражает реальность в художественных образах, наука — в понятиях и законах и т. п.

Формы общественного сознания порождаются материальной жизнью общества. Наука возникает из практических потребностей материального производства. Политические и правовые взгляды возникают только с образованием государства.

Анализ и исследование форм общественного сознания и их разграничение имеют будет иметь методологическое значение для исследования конкретных обществ, в частности общественного сознания социальных групп в Германии в 33-44гг., поскольку в реальной жизни все эти формы и уровни имеют тесную связь друг с другом.

Первоначально число форм общественного сознания ограничивалось наукой, философией, религией, искусством, нравственностью, политическим и правовым сознанием. Причем наука иногда рассматривается как нечто присущее общественному сознанию в целом, "пронизывающее" его. В последние годы в литературе отстаивается мысль об экономическом и экологическом сознании как самостоятельных, специфических формах общественного сознания.

Экономическое сознание.

В экономическом сознании отражаются представления о сущности экономических отношений, всей сложной экономической системы, включающей в себя процесс производства (с его управлением), распределения, обмена, потребления и отношения собственности; представления о функционировании финансово-кредитной системы и коммерческой деятельности, состоянии производительных сил и месте человека в системе производства.

Экономическое сознание тесно связано с политическим, так как через политическую систему общества в конечном итоге реализуется экономическая политика. Особенно моменты эпохальных, коренных сдвигов в экономике, реформирования последней.

Экономическое сознание, как и другие формы общественного сознания, характеризуется единством двух основных уровней: теоретического и обыденного, идеологического и социально-психологического.

К теоретическому уровню относятся концептуально оформленные экономические идеи и взгляды, а также вытекающие из них ценностные ориентации и установки в области экономического поведения.

Содержание обыденно-массового уровня экономического сознания составляют чувства, настроения, убеждения, иллюзии, своеобразные суеверия, стереотипы экономического поведения людей, складывающиеся в основном стихийно, в процессе и результате утверждения соответствующих экономических отношений и побуждающие к определенной экономической деятельности. Термин "обыденно-массовое", не вполне корректен, так как не в полной мере учитывает реальность проникновения в экономическую психологию масс идей теоретико-экономического сознания. Но в значительной степени приемлем, ибо отмеченные идеи в структуре массового сознания приобретают превращенную форму, нередко заметно отличаясь от оригинала. Экономическая психология формируется под влиянием повседневно-практического опыта экономической деятельности людей, фактического социально-экономического статуса работника, социальной микро-

среды (состояние экономической культуры семьи, трудового коллектива, фактор национальной и региональной "принадлежности").

Политическое сознание представляет собой отражение политических отношений между классами (социальными группами), нациями, государствами. Специфика политического сознания заключается в том, что оно непосредственно затрагивает сферу государства и власти, отношения политических субъектов к государству и правительству, их отношения между собой по поводу власти. Однако власть как таковая не является единственным и основным содержанием политического сознания. Дело в том, что через институты власти наиболее выпукло, непосредственно проявляются экономические отношения и интересы, те социальные связи, которые в других формах общественного сознания находят тем более опосредованное проявление, чем значительнее они удалены от экономической основы. Благодаря этой своей специфике политическое сознание оказывает значительное воздействие не только на экономику, но и на другие формы общественного сознания.

Механизм взаимодействия экономики и политики многообразен. Все изменения в экономике, технике, условиях труда и быта проходят через человека, отражаются в общественном сознании и настроениях. В свою очередь, на экономическое развитие все более возрастающее воздействие оказывают идейно-политические и другие установки людей, мотивы и формы их трудового и общественного поведения, степень их общей культуры и профессиональной подготовки, социальной ответственности и моральной надежности.

По своему характеру и содержанию быденное сознание полно драматизма и несет в себе сложнейшие общественные противоречия, все многообразие повседневных жизненных коллизий.

Идеология (теоретическое знание) не изолировано от быденного сознания, питается теми же жизненными источниками. Вместе с тем оно критически анализирует содержание быденного сознания, подводит под него определенную идеологическую базу, активно влияет на общественное мнение, общественную психо-

логию. (Скажем, в период предвыборной кампании позиция избирателей складывается и под влиянием собственных житейских обстоятельств, удовлетворенности или неудовлетворенности своим нынешним общественным положением, так и под влиянием определенного идеологического воздействия, теоретических разъяснений, прежде всего через средства массовой информации).

Политическая идеология возвышается над строем чувств и верований, образов и мыслей, прозрений и заблуждений, порождаемых повседневной житейской практикой, так как обращается к теоретическому анализу социально-экономического положения всех социальных групп с их интересами и взаимоотношениями, оценивает существующее общественно-экономическое положение государства (в сравнении с другими государствами), "просчитывает" перспективы развития общества, отработывает механизмы воздействия на экономику через политические институты и совершенствование последних.

1.2. Механизмы воздействия на общественное сознание

Общественное (массовое) сознание – это сумма идей, теорий, идеалов, принципов, желаний и настроений людей на данном этапе исторического развития. Оно характеризует уровень развития сознания определенной социокультурной общности.

Массовое сознание существует в двух формах:

1. общественная психология

2. идеология

Общественная психология – массовые психологические процессы, состояния, явления, настроения, чувства, стрессы, паника, слухи, мода, стереотипы и подобные явления. Связана с обыденным сознанием и с эмоционально-волевой сферой. Принято считать, что формируется стихийно, но можно утверждать, что часть этих процессов управляется, а значит направляется осознанно и целенаправленно. Влияет на жизненные ценности, смыслы и идеалы.

Идеология – теоретически обоснованная сумма взглядов и идей, выражающих интересы определенных социальных групп.

Связана с логической формой сознания. Формируется целенаправленно идеологами. Чаще всего, идеологию связывают с ложным осознанием, т.к. в интересах той или иной политической силы скрыть реальное положение дел.

Существует несколько видов общественного сознания:

1. политическое (взгляды между различными социальными группами на проблему власти, отношение к власти)
2. правовое (понимание закона и его роли в обществе, отношение к закону)
3. моральное (сложившиеся в обществе оценки понимания добра и зла, героизма и патриотизма, общественного идеала, смысла жизни)
4. эстетическое (представления о прекрасном и безобразном)

5. религиозное (чувства к Богу, представления о Нем, о жизни после смерти, религиозная картина мира)

Методы воздействия на общественное сознание делятся на 2 типа:

1. прямые (традиционные и нетрадиционные)

2. косвенные

Прямые методы — это методы рациональные, логические, обращенные к разуму людей.

К традиционным методам можно отнести:

1. метод большой и малой лжи.

Человек, по мнению многих политиков, существо «стадное», все вместе люди – толпа. Чувство принадлежности к определенной социальной группе заложено у него в подсознании, он слепо склонен верить авторитетам. На этом можно построить любую теорию о расовом превосходстве. Гитлер писал: «Восприимчивость масс довольно ограничена, их понимание – незначительно, зато забывчивость чрезмерно велика. Только того, кто тысячекратно будет повторять обычные понятия, масса пожелает запомнить. Если уж врать, но врать нагло: в большую ложь верят охотнее, чем в малую... Люди сами иногда врут в мелочах, однако, большой лжи они стесняются. Следовательно, им и в голову не придет, что их так бессовестно обманывают... В случае любой неудачи следует незамедлительно искать врагов. Если их нет, надо придумать. Большая ложь дает выигрыш во времени, а потом о ней никто не вспомнит».

Но метод большой и малой лжи хорош в военное время. В мирных условиях говорить ложь невыгодно, в силу легкой проверяемости.

Эффективен метод, часто применяемый в рекламе, в политике: «Всегда говорите правду, говорите много правды, говорите гораздо больше правды, чем от вас ожидают, никогда не говорите всю правду».

2. апелляция к авторитетам(метод использования актеров, певцов, спортсменов в предвыборных технологиях)
3. внушение через большинство (например, масса людей выходит на улицу и что-то активно проповедует)
4. внушение через меньшинство (когда активное меньшинство влияет на пассивное большинство через агитацию). Примеры исторические: захват власти большевиками в 1917 г., оранжевая революция на Украине в 2004 г.

Принципами данных методов являются простота и доступность лозунгов и частая повторяемость

Нетрадиционные методы воздействия - иррациональные, т.е. те, которые воздействуют на образное мышление (чувственно –эмоциональную сферу), на подсознание. К ним относятся:

1. Искусство, даже просто воздействие цветом (оранжевая революция на Украине)
2. Религия
3. Музыка
4. Телевидение

Данные методы воздействия хорошо отражены в психологических экспериментах

1). В 1895 году французским исследователем Г. Лебоном в книге «Толпа» (в одной из первых) затрагивались аспекты поведения человека в неорганизованной общности людей. Он утверждал, что средний человек в массе людей обнаруживает более низкий уровень интеллекта, более доверчив, агрессивен, нетерпелив и аморален и даже способен вести на себя на уровне животного. Последующие экспериментальные данные подтвердили многие утверждения Г. Лебона. Данный феномен получил название «обезличивания» или «деиндивидуализации».

2). В 30-х годах 20 в. - Шериф.⁹ Он впервые задумался о том, как и кем формируется социальная норма и можно ли проследить ее возникновение в лабораторных

условиях. Суть эксперимента Шерифа заключалась в том, что человеку, помещенному в темной комнате необходимо было определить на какое расстояние мог сместиться от него за определенное количество времени точечный источник света. Затем количество участников эксперимента увеличивается. Новые участники выдвигают свое предположение относительно оценки расстояния удаления источника света явно вразрез первому участнику. Так повторяется несколько дней подряд.

Изменится ли мнение первого участника под воздействием мнения других? Насколько внушаем человек? Насколько он подвержен воздействию?

Выводы Шерифа были во многом шоковыми:

1) сам опыт – это процесс возникновения групповой нормы. Групповая норма в этом случае формируется! Но она формируется ложная! Потому, что Шериф воспользовался иллюзией восприятия, называемой авто кинетическим феноменом (кажущееся движение света в темноте). Свет вообще не двигался!

2) Подобный опыт с теми же участниками был повторен через год. Участники эксперимента продолжали придерживаться своего мнения (т.е. новой групповой нормы).

Поэтому, процесс формирования групповых норм не всегда бывает только естественным, самоформирующим явлением. Возможно влияние на процесс формирования групповых норм, их искусственное создание, причем как истинных, так и ложных. «Печальный» опыт Шерифа показал насколько управляемо человеческое сознание через групповые нормы и ценности.

3). Вынужденное принятие человеком норм и ценностей группы под угрозой потери этой группы или своего положения в ней получил название конформизма. Начало экспериментов по изучению социального давления положил американский психолог С. Аш.

Конформизм- это подчинение суждения или действия индивида групповому давлению, возникающее из конфликта между его собственным мнением и мнени-

ем группы. Другими словами, человек демонстрирует конформное поведение в ситуации, когда предпочитает выбирать мнение группы в ущерб своему собственному.

Результатами эксперимента Аша был проявленный в 37 % случаев конформизм. Процент сам по себе невысокий. Ведь 63 % ответов не подверглись влиянию конформизма. Однако сам Аш высказался по этому поводу так: «То, что довольно интеллигентные и добросовестные молодые люди были готовы назвать белое черным, является тревожным обстоятельством. Это поднимает ряд вопросов о наших методах образования и о ценностях, определяющих наше поведение».10 Ричард Кратчфилд продолжал опыты Аша. Он исследовал группу армейских офицеров. Его вывод еще более показателен: даже идеологически неприемлемые взгляды могут быть признаны верными, если они приняты группой.

4). К опытам Милграма обращаются серьезные исследователи, мыслители, когда рассуждают о природе человека. Некоторые считают, что это в большей степени, чем другой, вклад за всю историю социальных наук.

В экспериментах Милграма, изучавшего поведение авторитету, более 65 % «порядочных граждан», служивших испытуемыми, оказались способными нанести мнимые электрические удары такой силы, что будь они подлинными, они могли бы привести к смерти тех людей, которых эти испытуемые должны были «воспитывать». В опытах участвовали обычные граждане, затем студенты (как правило, более критично настроенные и менее склонны поддаваться манипуляциям), женщины (предположительно менее агрессивные, чем мужчины). Тем не менее, процент «покорных» оказался тем же самым.

Таким образом, опыты Милграма показали следующее:

1) Из каждых троих почти двое, непосредственно столкнувшись с авторитетом, готовы слепо ему повиноваться.

2) степень подчинения зависит от степени ответственности. Если испытуемые знали, что исполняют всего лишь роль посредников, и не несут никакой пря-

мой ответственности за свои действия, то доля «покорных» увеличивается до 90 %.

Более поздние исследования показали, что подобное поведение проявляется главным образом в тех случаях, если испытуемые лишены социальной поддержки. Когда они находятся в присутствии других людей, оказывающих сопротивление, отказывающихся повиноваться, то 90 % из них тоже перестают выполнять распоряжения. Все это делает конформизм отнюдь не безобидным явлением. Если исследуемые в конфликтной ситуации находят социальную поддержку, их настойчивость и уверенность в отстаивании своих идей увеличивается. Важно, чтобы индивид, отстаивая свою точку зрения, знал, что он не один. Например, Кратчфилд утверждал, что человек, имеющий достаточный ум и творческие способности, проявляющий терпимость и чувство долга, верящий в себя и устойчивый к стрессу - способен и проявить качества неконформизма. «Чаще всего, именно благодаря таким людям осуществляются нововведения и действуют силы общественного преобразования».

5). Чтобы определить, как влияет мнение меньшинства на группу, проведено много опытов. Некоторое время преобладало мнение, что индивид в основном поддается давлению группы. Но некоторые опыты показали, что исследуемые, имеющие высокий статус, мало меняют свое мнение, и групповая норма отклоняется в их сторону. Проблемой меньшинства занимался и Московичи. Его задача была: выяснить, как на самом деле происходят социальные перемены в группе и в обществе, в которых конформизм является «насущной потребностью социальной системы». 16

Выводы экспериментов Московичи:

1) активное меньшинство может влиять на большинство, даже без ведома этого последнего с того момента, как только меньшинство приходит к согласию необходимости перемен. Что касается группы, то влияние меньшинства на большинство происходит не только на уровне внешнего поведения, но и на уровне внутренних убеждений, которые, как считалось прежде, поддаются лишь влиянию

большинства. Причем в группе это может не проявляться, и сами люди могут его не осознавать.

2) В большей степени, чем компетенция меньшинства, на точку зрения большинства, влияет стиль поведения меньшинства. И это влияние будет тем сильнее, чем больше предлагаемые им идеи будут соответствовать «духу времени», чем самобытнее они будут. И, самое главное, - чем активнее меньшинство будет стараться избежать раскола своего единства.

3) В общественном плане, более эффективным оказывается давление большинства, но в личностном плане сплоченное и открыто демонстрирующее свою независимость от авторитета меньшинство способно подчинить своему влиянию большинство.

Для влияния на группу, меньшинство должно руководствоваться следующими условиями: последовательность, стойкость поведения, единство членов меньшинства в конкретный момент и сохранность, повторение позиции.

1.3. Психология и истоки идеологии нацизма

Приступая к анализу психологии нацизма, следует разобраться, каково значение самих психологических факторов непосредственно для понимания нацизма. В научной и художественно-популярной литературе о нацизме высказывались 2 абсолютно противоположные точки зрения. 1-ая представляет из себя такое понимание фашизма, в котором он понимается чисто финансовым и политическим явлением и психология никоим образом его не объясняет; 2-ая — трактует под фашизм только как психологическую проблему.

1-ая точка зрения заключается в том, что рассматривает нацизм непосредственно как результат только экономического развития, или, как результат непосредственно результат экспансионистских тенденций германского империализма, либо только как политическую закономерность, т.е. захват государственной власти политической партией, опирающейся на промышленников и юнкеров. То есть, торжество национал-социализма объясняется здесь как явление обмана и подавления большинства народа меньшинством, которое является вероломным и предательским.

2-ая точка зрения, объясняет нацизм с точки зрения психологии, или лучше сказать психопатологии. Гитлер называется маньяком или «невротиком», а его приверженцы — безумцами и психически неуравновешенные люди.

Но правильны ли эти точки зрения? Рассматривая их, можно сказать, что, ни одно из этих взаимоисключающих объяснений неверно. Нацизм является психологической проблемой, но сами эти психологические факторы могут пониматься только при формировании их под воздействием социально-политических и экономических факторов. Нацизм включает в себя и экономическую и политическую проблемы, но если не учитывать психологических факторов невозможно будет понять, каким образом он смог приобрести власть сразу над целым народом.

Рассматривая предпосылки торжества нацизма необходимо с самого начала провести различие между двумя группами населения. Первая часть народа признала нацистский режим без какого-либо значимого сопротивления, но, в то же время, и без какого-либо восторга от самой идеологии или практической реализации нацизма. Вторая часть народа очень увлеклась новой идеологией и была безоговорочно предана тем, кто её провозгласил. Первая группа включала в себя в основном рабочий класс, а также из либерально и католически настроенную буржуазию. И хотя, данные слои населения враждебно относились к национал-социализму с момента его зарождения и до 1933 года, хотя они и имели прекрасную организацию (в особенности рабочий класс) — они не проявляли того сопротивления, какого бы стоило ожидать, рассматривая их политические убеждения. Вся их воля к сопротивлению очень скоро сломалась, и в дальнейшем, они не доставляли каких-либо значимых трудностей восторжествовавшему режиму (за исключением, пожалуй, того небольшого меньшинства, которое героически боролось с нацизмом с его зарождения). Скорее всего готовность подчиниться нацистскому режиму была психологически обусловлена состоянием внутренней усталости и пассивности. Эти состояния характерны для индивида современной эпохи даже и в демократических странах. Т.к. здесь рассматривается непосредственно рабочий класс, можно также сказать, что то в Германии была для этого еще одна причина: поражение, которое этот класс потерпел после первых побед революции 1918 года. Рабочий класс вступил в период после первой мировой войны с большими надеждами на торжество социализма или по крайней мере на значительное улучшение своего социального, экономического и политического положения. Но в результате, все что он получил - это непрерывный ряд поражений — каковы бы ни были их причины, — и полностью уничтожили какие-либо надежды. К началу 1930 года результаты его первых побед были почти что полностью уничтожены. - это привело к большому разочарованию, недоверию своим собственным лидерам, сомнению

относительно целесообразности и значимости каких бы то ни было политических организаций и, собственно, любой политической деятельности. Хотя рабочие и дальше оставались членами своих партий и продолжали — на уровне сознания — верить свои политические идеалы и доктрины, но, в глубине души, очень многие из них потеряли какую-либо веру в эффективность самой политической борьбы.

Когда Гитлера пришел к власти лояльность значительно большинства германского общества новому нацистскому правительству была усилена дополнительным стимулом: значительная часть населения стала ассоциировать правительство Гитлера и саму Германию как одно целое. Теперь в его руках была вся государственная власть, и поэтому борьба с ним значила самоисключение из сообщества всех немцев; после того, как все оппозиционные партии были запрещены и нацистская партия «стала» Германией, противостояние этой партии было равнозначно оппозиции самой “Германии”. Для среднего человека нет ничего более тяжёлого, чем чувствовать себя одиноким, не принадлежащим ни к какой достаточно большой группе, с которой он смог бы себя ассоциировать. Гражданин Германии, даже если он и был когда-то чужд идеологии и пам национал-социализма, теперь должен был выбрать между его одиночеством и патриотическим чувством единства с Германией, и конечно же, большинство выбрало единство, что не удивительно.

Из этого можно заключить следующее: любые нападки на “Германию” только усиливали лояльность тех, кто еще не полностью ассоциировал себя с новой системой. Этические принципы всегда выше существования самой нации, и приверженность данным принципам вводит индивида в сообщество тех, кто разделял, разделяет и будет разделять это убеждение.

Низшие слои среднего класса, в отличие от отрицательного или равнодушного отношения рабочего класса, либеральной иской буржуазии с восторгом приветствовали новую нацистскую идеологию.

В данной 2-ой группе населения, составляющей наиболее значимую ру национал-социалистического движения, люди более старшего поколения представляли более пассивный слой, а их дети стали активными борцами. Нацистская идеология, как дух слепого повиновения фюреру, ненависть к политическим и расовым меньшинствам, желание завоевания новых территорий и восстановление немецкого народа и «нордической расы» была для них очень эмоционально притягательна. Именно это и покорило их, превратило в ярких сторонников нацизма и слуг его правого дела.

Из-за чего же фашистская идеология стала столь привлекательна для низов среднего класса? Ответ кроется в социальном характере этой группы общества - ее социальный характер значительно отличается от социального характера рабочего класса, верхов среднего класса и высших классов, в т.ч. аристократии. Можно сказать, что некоторые черты, характерные для этой части среднего класса, видны на протяжении всей истории: любовь к сильному и ненависть к слабому, ограниченность, враждебность, скупость. Особенностью данной группы населения всегда была узость взглядов, подозрительность и ненависть к незнакомцу, а знакомый человек всегда вызывал у них зависть, причем зависть всегда осознавалось как презрительное негодование; вся их жизнь была основана на скудости, как в экономическом, так и в психологическом рассмотрении.

Нельзя сказать, что данную особенность личности нельзя встретить среди рабочих. Но для низов среднего класса она была типична, а среди рабочих проявлялась в такой же отчетливой форме только у меньшинства. Но те или иные черты этого характера в намного меньше выраженной форме можно найти и у большинства представителей рабочего класса, к примеру, повышенная почитаемость

власти или бережливость. Однако, большая часть «белых воротничков» по своему характеру были ближе к рабочим, чем к «старому среднему классу», который не принимал непосредственного участия в развитии го капитализма, а наоборот, испытывал угрозу с его стороны.

Такой социальный характер слоев низшего среднего класса был таким же еще до начала первой мировой войны, но дальнейшие события усилили в них те черты, на которые больше всего воздействовала фашистская гия: стремление к подчинению и жажду власти.

Перед германской революцией 1918 года экономическое положение слоев низшего среднего класса было далеко не богатым, но и не было безнадежно, и существовало большое количество факторов, которые их поддерживали.

Монархия была высшим авторитетом - опираясь на нее и ассоциируя себя с нею, представители низов среднего класса приобретали чувство уверенности и огромной гордости. Таким же прочным являлся авторитет религии и традиционной морали. Семья была незыблемым оплотом и одной из высших ценностей в данный период. Индивид социума ощущал полную свою приверженность и принадлежность к устойчивой социальной и культурной систем. Мазохистские наклонности среднестатистического индивидуума в полной мере удовлетворялись подчинением существующим авторитетам, но он не доходил до крайнего самоотречения и сохранял в своем сознании сознание собственной значимости. Если индивидууму было недостаточно этой уверенности, то подчиняясь силе авторитетов, он компенсировал это. Можно сказать, что его экономическое положение было еще достаточным, чтобы дать чувство достоинства, а авторитеты, на которые он тогда опирался, были достаточно сильными, чтобы дать дополнительную уверенность, если не хватало собственной.

В период после первой мировой войны положение очень но изменилось. Во-первых, экономический упадок старого среднего класса

стал нарастать; этот процесс ускорился из-за инфляции, которая к 1923 году уничтожила почти все накопления и весь материальный вес многолетнего труда.

В период 1924-1928 годов экономическое развитие принесло среднему классу новые надежды, но депрессия в 1929 года полностью их уничтожила. Средний класс оказался одним из самых незащищенных и по нему депрессия ударила сильнее чем по всем остальным.

Были также и психологические причины, усугубляющие положение. Во-первых — капитуляция в первой мировой войне и свержение монархии. Монархия и государство являлись главной основой, на которой строилась в психологическом смысле вся жизнь мелкого буржуа, а их падение полностью разрушило эту основу.

Инфляция играла не только экономическую, но также и свою психологическую роль. Она почти полностью уничтожила принцип бережливости и сам процесс государства.

Также, после войны упал не только экономический уровень среднего класса, но и непосредственно его социальный престиж. До этого представитель рабочего класса осознавал, что он “кто-то” и что он занимает свое определенное положение. После революции престиж рабочего класса вырос и соответственно изменился и взгляд на средний класс. Исчезла та грань, когда представители рабочего класса могли смотреть на кого-то снизу вверх, эта привилегия исчезла, а она являлась одной из главных радостей в жизни мелких лавочников социальным группам подобной этой.

Так-же пошатнулся и самый главный оплот среднего класса, а именно - семья. Авторитет отца упал, молодежь отвергала всю мораль среднего класса - в Германии этот процесс был наиболее заметен, чем в других странах того периода. Молодые люди поступали так, как они считают нужным, и не заботилось о том, что скажут их родители.

Причины этого процесса были очень сложны и многогранны. На личных символах авторитета, т.е. на родителях отразилось крушение прежних символов власти и авторитета — монархии и государства. Родители потеряли престиж и власть, они требовали от детей почтения к прежним авторитетам, а они оказались несостоятельны. Ещё одной причиной являлось то, что в условиях инфляции молодежь оказалась более приспособленной и “гибкой”, чем старшее поколение. Таким образом, молодые люди осознавали свою самостоятельность и обособленность от их родителей и были уже независимы от них, не все но большая их часть. В этих условиях, родители потеряли также и свою роль гаранта будущего для своих детей.

Старшее поколение низов среднего класса было более пассивно в своей горечи и разочаровании, а молодежь стремилась к действию. Положение молодежи было подорвано - у них не было той независимости, какая была у их родителей. Рынок труда был насыщен, так что не приходилось рассчитывать на какую либо профессию, наподобие юриста или адвоката. Те, кто вернулся с войны, считали что достойны лучшей участи, чем та, в которой они оказались в современных реалиях того периода. Это особенно относилось к той группе, которая представляла из себя молодых офицеров, которые были научены командовать и воспринимали власть как нечто абсолютно естественно не могли смириться с ролью мелких служащих, которая была им уготована, абсолютно неадекватной к тому же в условиях инфляции.

Усиление социальной фрустрации вызвало психологические последствия, ставшие важным фактором в развитии национал-социализма; представители среднего класса не сознавали, что экономический и социальный упадок затрагивает именно их общественный слой; они считали, что их судьба — это судьба всего народа. Поражение Германии и Версальский договор стали теми символами, которыми они подменили свою подлинную фрустрацию — социальную.

В исторической литературы можно часто встретить мнение что основной причиной зарождения нацизма и такого сознания в группах общества в Германии было обращение стран победителей Версальской системы отношений с Германией. Данное утверждение стоит уточнить. Средний класс, как и большинство населения Германии считало что данный договор несправедлив и его не стоило заключать, но все же относился к нему вполне спокойно. Рабочие были против прежнего режима, а поражение в войне, в какой то степени, являлось одной из причин смены этого режима. Им нечего было стыдиться и они знали, что достойно сражались в этой войне. И вместе с этим революция, которая произошла улучшило их экономическое, политическое и социальное положение в социуме. Несогласие с условиями Версальско-Вашингтонской системы было наиболее заметно в рядах низших слоев среднего класса, причем националистические страсти были рационализацией, переводившей чувство социальной неполноценности в чувство неполноценности национальной.

Эта рационализация совершенно очевидна в личном развитии Гитлера. Являясь типичным представителем низов среднего класса он был никем и не имел ни малейших перспектив на будущее. И очень остро чувствовал свою роль парии. В «Майн кампф» он очень часто говорит, что в молодости он был «никто», «безвестный человек». И хотя это ощущение было следствием его собственного социального положения, он рационализировал его в национальных символах. Родившись за пределами империи, он чувствовал себя изгоем не столько в социальном плане, сколько в национальном. Великая Германская империя, в которую смогут вернуться все ее сыновья, стала для него символом социального престижа и надежности.

Чувства тревоги, бессилия и социальной изоляции, которыми был охвачен средний класс, и вытекающие из них разрушительные тенденции были не единственными психологическими источниками нацизма. Крестьяне, залезая в долг к городским кредиторам, были абсолютно недовольны своим положением. Рабо-

чие были недовольны своими руководителями в армии и постоянными отступлениями, последовавшими после череды побед. Огромная часть населения испытывала чувство безысходности и бессилия которое было характерно для монополистического капитализма вообще.

Хот эти факторы и не были непосредственно причинами возникновения нацизма, они сформировали ту человеческую основу чувств, из которых нацизм в последующем смог родиться. Конечно, полный анализ причин возникновения нацизма должен опираться не только на психологические, но и не в меньшей мере на политические и экономические же факторы, однако в данной работе оценивается именно психологический взгляд на эту проблему и речь идет о нии общества в Германии, поэтому данные аспекты будут рассматривать с меньшим углом обзора.

Охваченный в послевоенное время страхом перед монополистическим капиталом рабочий класс и в особенности его низы испытывал тревогу и ненависть. Средний класс был в панике, он был преисполнен стремлением подчиниться обнадуживающей силе и в то же время встать над кем-то бессильным и бесправным. Эти чувства были использованы другим классом для установления режима, который должен был действовать в его собственных интересах.

Гитлер оказался столь эффективным орудием потому, что в нем сочетались черты возмущенного и озлобленного мелкого буржуа, с которым низы среднего класса могли себя отождествлять эмоционально и социально, и черты ренегата, готового служить интересам германских промышленников и юнкеров. Сначала он выступал как мессия прежнего среднего класса: обещал уничтожить универсальные магазины, покончить с властью финансового капитала и т.д. Эти обещания общеизвестны, как и то, что они не были выполнены. Однако это оказалось несущественно. Нацизм никогда не имел настоящих политических и экономических принципов; единственный принцип нацизма — его радикальный

оппортунизм. Существенно было то, что сотни тысяч мелких буржуа, которые при нормальном ходе событий имели очень мало шансов разбогатеть или добиться власти, в качестве членов нацистской бюрократии получили большой ломоть богатства и престижа, поскольку заставили высшие классы разделить с ними этот «пирог». Другие, не вошедшие в нацистский аппарат, получили работу, отнятую у евреев и политических противников, а остальные — хотя у них не прибавилось хлеба — приобрели «зрелища». Они получили эмоциональное удовлетворение от этих садистских спектаклей и от идеологии, наполняющей их чувством превосходства над остальным человечеством; и это удовлетворение может — хотя бы на время — компенсировать тот факт, что их жизнь стала беднее и в экономическом, и в культурном смысле.

Итак, мы видим, что определенные социально-экономические изменения (особенно упадок среднего класса и возрастание роли го капитала) произвели глубокое психологическое воздействие. Это воздействие было усилено и приведено в систему политической идеологией, сыгравшей в этом отношении такую же роль, как и религиозные идеологии XVI века. Нацизм психологически возродил нижние слои среднего класса и в то же время способствовал разрушению их прежних социально-экономических позиций. Нацизм мобилизовал эмоциональную энергию этих слоев и превратил ее в мощную силу, борющуюся за экономические и политические цели германского империализма.

Автобиография Гитлера служит прекрасной иллюстрацией авторитарной личности, ею можно воспользоваться как главным источником, роя психологию нацизма.

Авторитарный характер определяется одновременным присутствием садистских и мазохистских влечений. Садизм можно определить как стремление к неограниченной власти над другими, более или менее связанное с разрушитель-

ными тенденциями; мазохизм — как стремление раствориться в подавляющей силе, приобщившись тем самым к ее мощи и славе. И садистские и мазохистские тенденции вызываются неспособностью индивида к существованию, его потребностью в симбиотической связи для преодоления одиночества.

В «Майн кампф» Гитлер неоднократно демонстрирует свое садистское стремление к власти. Оно характерно и для его отношения к немецкому народу, который он презирает и «любит» типично по-садистски, и для его отношения к политическим противникам, против которых направлены его разрушительные наклонности, составляющие существенную долю его садизма. Вот что он пишет об удовлетворении, которое доставляет массам господство: «Чего они хотят — это победа сильного и уничтожение или безоговорочная капитуляция слабого». «Как женщина, которая предпочтет подчиниться сильному мужчине, а не господствовать над слабосильным, так же и массы любят повелителя больше, чем просителя, и внутренне их гораздо больше удовлетворяет доктрина, не допускающая никакого соперника, чем благодеяния либеральной свободы; часто они не знают, что делать с этой свободой, и чувствуют себя покинутыми. Они не осознают ни наглости, с которой их духовно терроризируют, ни оскорбительного ограничения их человеческих свобод, потому что им никогда не приходит в голову, как их обманывает эта доктрина».

Подавление воли слушателей превосходящей силой оратора он считает существенным фактором пропаганды. Он даже не стесняется признать, что физическая усталость его аудитории — это наиболее желательное условие, способствующее их внушаемости. Рассуждая о том, в какое время дня лучше проводить массовые политические митинги, он говорит: «По-видимому, утром и даже в течение дня человеческая воля более энергично восстает против попыток подчинить ее воле и мнению другого человека. Но вечером она легче уступает превосходящей силе более твердой воли. Ведь, по сути дела, каждый

кой митинг представляет собой схватку двух противоположных сил. Ший ораторский дар господствующей апостольской природы легче обратит к новой воле людей, у которых естественным образом ослабела сила сопротивления, чем людей, еще вполне обладающих своей психической энергией и силой воли».

Сам Гитлер прекрасно осознает условия, порождающие стремление к подчинению, и замечательно описывает состояние человека, присутствующего на массовом митинге: «Массовые митинги необходимы хотя бы потому, что индивид, который становится приверженцем нового движения, ощущает свое одиночество и легко поддается страху, оставаясь наедине; на митинге же он впервые видит зрелище большого сообщества, нечто такое, что большинству людей прибавляет силы и бодрости... Если он впервые вышел из своей маленькой мастерской или из большого предприятия, где он чувствует себя очень маленьким, и попал на массовый митинг, где его окружают тысячи и тысячи людей с теми же убеждениями... то он сам поддается магическому влиянию того, что называется массовым внушением».

Геббельс оценивает массы в том же духе. «Люди хотят только одного: чтобы ими прилично управляли», — пишет он в своем романе «Михаэль». Массы для него «не больше чем камень для скульптора. Вождь и массы — это не большая проблема, чем художник и краски».

В другой книге Геббельс точно описывает зависимость садиста от его объекта: каким слабым и опустошенным он чувствует себя, если не имеет власти над кем-либо, и как эта власть дает ему новую силу. Вот признание Геббельса в том, что происходит с ним самим: «Иногда впадаешь в глубокую депрессию. Ее можно преодолеть, лишь снова очутившись перед массами. Люди — источник нашей силы».

Красноречивое описание той власти над людьми, которую нацисты называют руководством, дал руководитель немецкого Трудового фронта Лей. Обсуждая качества, необходимые нацистскому руководителю, и задачи обучения руководителей, он пишет: «Мы должны знать, есть ли у этих людей воля руководить, быть хозяевами, одним словом — управлять... Управлять нужно с удовольствием... Мы научим этих людей верховой езде... чтобы привить им чувство абсолютного господства над живым существом».

Тот же акцент на силу и власть выражен в формулировке Гитлера о чах образования. Он заявляет, что «все образование и воспитание ученика должно быть направлено к тому, чтобы привить ему убеждение в абсолютном превосходстве над другими».

Нацистскими вождями, членами «элиты» движет стремление к власти над массами. Как показывают приведенные цитаты, эта жажда власти иногда выражается с откровенностью, почти невероятной. Иногда она облекается в менее агрессивную форму при помощи утверждения, что массы как раз того и хотят, чтобы ими управляли. Иногда нужно польстить массам, спрятать свое презрение к ним — и тогда прибегают к трюкам наподобие следующего. Говоря об инстинкте самосохранения, который, как мы увидим, для Гитлера более или менее идентичен стремлению к власти, он заявляет, что у арийца этот инстинкт принял наиболее благородную форму, «потому что он добровольно подчиняет свое «я» жизни общества и, если потребуется, приносит его в жертву».

В первую очередь наслаждаются властью «вожди», но и массы отнюдь не лишены садистского удовлетворения. Расовые и политические меньшинства в Германии, а затем и другие народы, которые объявляются слабыми или загнивающими, — это те объекты садизма, которые «скармливаются» массам. Гитлер и его бюрократия наслаждаются властью над немецким народом, и в то же

время они приучают этот народ наслаждаться властью над другими народами и стремиться к мировому господству.

Гитлер не колеблется заявить, что господство над миром является его целью, а также целью его партия. Издеваясь над пацифизмом, он говорит: «Гуманно-пацифистская идея, возможно, и на самом деле будет очень хороша, когда человек высшего ранга завоюет мир и подчинит его настолько, что станет единственным; властелином земного шара».

И еще: «Государство, которое в эпоху расового вырождения посвящает себя заботе о своих лучших расовых элементах, рано или поздно должно стать властелином мира».

Обычно Гитлер пытается рационализировать и оправдать свою жажду власти. Основные оправдания таковы: его господство над другими народами преследует их собственные интересы и интересы мировой культуры; стремление к власти коренится в вечных законах природы, а он признает лишь эти законы и следует им; сам он действует по велению высшей власти — Бога, Судьбы, Истории, Природы; его стремление к господству — это лишь защита от стремления других к господству над ним и над немецким народом. Он хочет только мира и свободы.

Примером рационализации первого типа может служить следующий абзац из «Майн кампф»: «Если бы в своем историческом развитии немецкий народ обладал тем же единством, какое выпало на долю других народов, то Германская империя, наверно, была бы сегодня владычицей всего мира». Как полагает Гитлер, немецкое господство привело бы к миру, «который поддерживается не пальмовыми ветвями слезливых пацифистских профессиональных плакальщиц, а утвержден победоносным мечом народа повелителей, поставивших мир на службу высшей культуре».

Уверения Гитлера, что его целью является не только чие Германии, что его действия служат высшим интересам цивилизации вообще, в последние годы стали хорошо известны любому читателю газет.

Вторая рационализация — что его стремление к власти но законами природы — это больше, чем только рационализация: в ней обнаруживается стремление к подчинению высшей внешней силе, выраженное, в частности, в его грубой вульгаризации дарвинизма. В «инстинкте сохранения вида» Гитлер видит «первопричину образования человеческих сообществ».

Инстинкт самосохранения ведет к борьбе сильного за господство над слабым и в конечном итоге к выживанию наиболее приспособленных. Отождествление инстинкта самосохранения с властью над другими находит особенно яркое выражение в гипотезе Гитлера, что «первая человеческая цивилизация, безусловно, была основана не столько на приручении животных, сколько на использовании низших людей». Он переносит свой собственный садизм на природу, «жестокою царицу всякой мудрости», заявляя, что ее закон самосохранения «связан с железным законом необходимости, по которому лучший и сильнейший в этом мире имеет право на победу».

Интересно заметить, что в связи с этой вульгаризацией дарвинизма «социалист» Гитлер отстаивает либеральный принцип неограниченной конкуренции. Возражая против сотрудничества различных националистических групп, он говорит: «При такой комбинации связывается свободная игра энергий, прекращается борьба за отбор лучшего и становится невозможной окончательная победа, которую должен одержать самый здоровый и сильный». В другом месте он называет «свободную игру энергий» «мудростью жизни».

Разумеется, теория Дарвина сама по себе вовсе не выражает чувства садистски-мазохистской личности. Наоборот, многие ее последователи связывали с ней свои надежды на дальнейшую эволюцию человечества к высшим ступеням

культуры. Но для Гитлера эта теория стала выражением и одновременно оправдание его садизма. Он наивно проговаривается, какое психологическое значение имела для него теория Дарвина. Когда он жил в Мюнхене, еще безвестным, он просыпался обычно в 5 часов утра. Он «имел обыкновение бросать кусочки хлеба или сухие корочки мышам», обитавшим в этой комнате, и наблюдать, как эти забавные зверюшки возятся и дерутся из-за этих скромных лакомств». Эта «игра» была для него дарвиновской «борьбой за существование» в ре, суррогатом гладиаторских цирков Римской империи, доступным мелкому буржуа, прелюдией к тому историческому цирку, который он собирался устроить впоследствии.

Последняя рационализация его садизма — будто бы он защищается от нападения других — многократно встречается в писаниях Гитлера. Он сам и немецкий народ всегда невинны, а их враги — «звери и садисты». Значительная часть этой пропаганды состоит из преднамеренной, сознательной лжи, но отчасти ей присуща та же «искренность», какая характерна для параноидных обвинений. Эти обвинения всегда имеют функцию защиты от разоблачения собственного садизма; они строятся по формуле: это у тебя садистские намерения, значит, я не виноват. У Гитлера этот защитный механизм иррационален до крайности, поскольку он обвиняет своих противников в том же самом, что откровенно признает своей собственной целью. Так, он обвиняет евреев, коммунистов и французов в тех же самых вещах, которые провозглашает законнейшими целями собственных действий, и едва дает себе труд прикрыть это противоречие хоть какой-то рационализацией. Он обвиняет евреев в том, что они привели на Рейн африканские войска Франции с намерением погубить белую расу, поскольку смешение неизбежно, «чтобы самим подняться до положения господ». По-видимому, здесь Гитлер сам усмотрел противоречие в том, что обвиняет других в намерениях, им же провозглашенных благороднейшей целью своей собственной расы; он пытается рационализировать это противоречие, утверждая, что у евреев

другой инстинкт самосохранения, лишенный того идеалистического характера, какой он находит в арийском стремлении к господству.

Те же обвинения выдвигаются против французов. Он обвиняет их в желании задушить и обессилить Германию — и это используется как аргумент, доказывающий необходимость покончить со «стремлением французов к гегемонии в Европе», но в то же время он признает, что на месте Клемансо действовал бы точно так же.

Коммунистов он обвиняет в жестокости, успехи марксизма приписывает политической воле и беспощадности его активистов, а в то же время заявляет: «Чего не хватало Германии — это тесного сотрудничества жестокой силы с искусным политическим замыслом».

Чешский кризис 1938 года и нынешняя война дали множество примеров того же рода. Нет ни одного случая притеснений со стороны нацистов, который бы не объяснялся как защита от притеснений со стороны других. Но предположить, что эти обвинения — чистая фальсификация, даже без той параноидной «искренности», которой могли быть окрашены прежние обвинения в адрес евреев и французов. Но они все же имеют пропагандистскую ценность: часть населения им верит, особенно низы среднего класса, восприимчивые к параноидным обвинениям в силу своего характера.

Презрение Гитлера к слабым становится особенно очевидным, когда он говорит о людях, чьи политические цели — борьба за национальное освобождение — аналогичны целям, какие провозглашает он сам. Неискренность его заинтересованности в национальном освобождении, пожалуй, ярче всего проявляется в его презрении к бессильным революционерам. О небольшой группе национал-социалистов, к которой он примкнул в Мюнхене, Гитлер говорит иронично и презрительно. Вот его впечатление о первом собрании, на которое он пришел: «Ужасно, ужасно; это было клубное сборище наихудшего пошиба. И в этот клуб я

должен был вступить? Начали обсуждать прием новых членов; то есть речь пошла о том, что я попался».

Он называет их «смехотворной мелкой организацией», единственным достоинством которой было то, что она давала возможность «действительно личной деятельности». Гитлер говорит, что никогда не вступил бы ни в одну из существующих крупных партий. Он должен был начать свои деятельность в группе, которую считал неполноценное и слабой. Обстановка, где ему пришлось бы бороться с уже существующей силой и соперничать с равными, не стимулировала бы его инициативу и смелость.

Такое же презрение к слабым он проявляет в своих нападках на индийских революционеров. Человек, который в своих целях использовал лозунг борьбы за национальную свободу больше, чем кто-либо другой, нее испытывает никаких чувств, кроме презрения, к революционерам, решившимся без достаточных сил атаковать; могущественную Британскую империю. «Я припоминаю, — говорит он, — каких-то азиатских факиров, быть может, даже на самом деле индийских «борцов за свободу» — я не вникал, мне не было до них дела, — рые шатались в то время по Европе и ухитрились вбить в голову даже гим весьма здравомыслящих людям бредовую идею, будто Британская империя, краеугольным камнем которой является Индия, именно там находится на грани краха... Но индийские мятежники никогда этого не добьются... Это просто чудо, чтобы сборище калек штурмовало могучее Государство... Хотя бы потому, что я знаю их расовую неполноценность, я не могу связывать судьбу моей нации с судьбой так называемых «угнетенных наций».

Любовь к сильным и ненависть к слабым, столь типичные для садистски-мазохистской личности, объясняют множество политических актов Гитлера и его сторонников. Республиканское правительство надеялось «умиротворить» нацистов своей терпимостью, но именно этим отсутствием силы и твердости увеличи-

вало их ненависть. Гитлер ненавидел Веймарскую республику, потому что она была слаба; он восхищался промышленными и военными руководителями, потому что у тех была власть и сила. Он никогда не вступал в борьбу с установившейся сильной властью и нападал лишь на те группы, которые считал беззащитными. «Революция» Гитлера — как и «революция» Муссолини — происходила под защитой реально существовавшей власти, а их излюбленными противниками были те, кто не мог за себя постоять. Можно даже предположить, что отношение Гитлера к Великобритании тоже было обусловлено, среди прочего, этим психологическим комплексом. Пока он считал Англию сильной, он любил ее и восхищался ею. Когда же убедился в слабости британской позиции — во время Мюнхена и после него, — его любовь превратилась в ненависть и стремление сокрушить Англию. С этой точки зрения «умиротворение» было политикой, которая должна была возбудить именно враждебность, а не миролюбие.

До сих пор мы говорили о садистской стороне гитлеровской идеологии. Однако, как мы видели при обсуждении авторитарного характера, в нем есть и мазохистская сторона, то есть должно присутствовать и стремление подчиниться подавляющей силе, уничтожить свое «я», и это стремление мы действительно обнаруживаем. Эта мазохистская сторона нацистской идеологии и практики наиболее очевидна в отношении масс. Им повторяют снова и снова: индивид — ничто, он не имеет значения; он должен признать свою личную ничтожность, должен раствориться в высшей силе и ощущать гордость от своего участия в ней. Гитлер ясно выражает эту мысль в своем определении идеализма: «Только идеализм приводит людей к добровольному признанию тив принуждающей силы и тем самым превращает их в пылинки мирового порядка, образующего и формирующего вселенную».

Подобным же образом Геббельс определяет то, что он называет социализмом. «Быть социалистом, — говорит он, — это значит подчинить свое «я» общему «ты»; социализм — это принесение личного в жертву общему».

Самоотречение индивида — сведение его к пылинке; атому — влечет за собой, согласно Гитлеру, отказ от всякого права на личное мнение, личные интересы, личное счастье. Такой отказ составляет сущность политической организации, в которой «индивид отказывается представлять свое личное мнение и твои интересы...». Гитлер превозносит «самоотверженность» поучает, что в «погоне за собственным счастьем люди все больше опускаются с небес в преисподнюю». Цель воспитания — научить индивида не утверждать свое «я». Уже школьник должен научиться «молчать не только тогда, когда его бранят за дело; он должен научиться также молча переносить несправедливость, если это необходимо». Конечная цель изображается так: «В народном государстве народное мировоззрение должно в конечном итоге привести к той благородной эре, когда люди будут видеть свою задачу не в улучшении породы собак, лошадей и кошек, а в возвышении самого человечества; эру, когда один будет сознательно и молчаливо отрекаться, а другой — радостно отдавать и жертвовать».

Эта фраза звучит несколько странно. После характеристики одного типа индивидов, который «сознательно и молчаливо отрывается», можно было бы ожидать, что появится характеристика противоположного типа — того, кто руководит, берет на себя ответственность или что-нибудь в этом роде. Но вместо этого Гитлер снова характеризует этот «другой» тип как способный к самопожертвованию. Трудно уловить разницу между «молчаливо отрывается» и «радостно жертвует». Я позволю себе высказать догадку, что на самом деле Гитлер собирался сделать различие между массами, которые должны смиряться, и правителем, который должен править. Но хотя иногда он вполне, открыто признает стремление к власти — свое и своей «элиты», — зачастую он это отрицает.

В этой фразе ему, очевидно, не хотелось быть столь откровенным, и он заменил стремление властвовать стремлением «радостно отдавать и жертвовать».

Гитлер прекрасно сознает, что его философия самоотречения и жертвенности предназначена для тех, кого экономическое положение лишает всякой возможности счастья. Ему не нужен такой общественный строй, где каждому было бы доступно личное счастье; он хочет эксплуатировать саму бедность масс, чтобы заставить их уверовать в его проповедь самопожертвования. Он совершенно открыто заявляет: «Мы обращаемся к огромной армии людей, которые так бедны, что их личное существование отнюдь не является наивысшим в ре богатством...»

Вся эта проповедь самопожертвования имеет вполне очевидную цель: чтобы вождь и «элита» могли реализовать свое стремление к власти, массы должны отречься от себя и подчиниться. Но мазохистские наклонности обнаружены и у самого Гитлера. Высшие силы, перед которыми он склоняется, — это Бог, Судьба, Необходимость, История и Природа. В действительности все эти слова означают для него одно и то же: символ подавляющей силы.

В начале своей автобиографии он замечает: «...ему повезло, что Судьба назначила Браунау на Инне местом его рождения». Далее он говорит, что весь немецкий народ должен быть объединен в одном государстве, потому что лишь тогда, когда это государство станет слишком тесным для всех немцев, необходимость даст им «моральное право на новые земли и территории».

Поражение в войне 1914-1918 годов представляется ему ным наказанием, ниспосланным Вечным Возмездием». Нации, которые смешиваются с другими расами, «грешат против воли Вечного Провидения» или, как он говорит в другом месте, «против воли Вечного Творца». Миссия Германии указана на «Творцом Вселенной». Небеса являются высшей категорией по отношению к людям, потому что людей, по счастью, можно дурачить, но «Небеса неподкупны».

Сила, производящая на Гитлера, вероятно, даже большее впечатление, чем Бог, Провидение и Судьба, — это Природа. Тенденция исторического развития последних четырехсот лет состояла в ликвидации господства над людьми и в установлении господства над Природой. Гитлер настаивает на том, что можно и должно управлять людьми, но Природой управлять нельзя. Я уже приводил его высказывание, что история человечества началась, вероятно, не с одомашнивания животных, а с господства над низшими людьми. Он высмеивает саму мысль о том, что человек может покорить Природу; издевается над теми, кто верит, что сможет стать властелином Природы, «не имея в своем распоряжении другого оружия, кроме «идеи». Он говорит, что человек «не стал хозяином Природы, но благодаря знанию нескольких законов и секретов Природы он поднялся до положения хозяина тех живых существ, которые этим знанием не обладают». Здесь мы снова встречаемся с той же мыслью: Природа — это великая сила, которой мы должны подчиняться, а вот над живыми существами должны господствовать.

Я постарался выявить в писаниях Гитлера две тенденции, уже описанные выше как основные стремления авторитарной личности: жажду власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе. Идеи Гитлера более или менее идентичны всей идеологии нацистской партии. Те же мысли, что высказаны в его книге, он провозглашал в бесчисленных речах, которыми завоевал своей партии массовую поддержку. Эта идеология выросла из его личности: чувство неполноценности, ненависть к жизни, аскетизм и зависть к тем, кто живет полной жизнью, были почвой его садистски-мазохистских стремлений — и была обращена к тем людям, которых возбуждала и привлекала в лу аналогичного склада их собственного характера. Они становились горячими приверженцами человека, выражающего их собственные чувства. Но низы среднего класса были удовлетворены не только идеологией. Политическая практика реализовала обещания идеологии: была создана иерархия, в которой каждый имел кого-то над собой, кому он должен был повиноваться, и кого-

то под собой, над кем ощущал свою власть. Человек на самом верху — вождь — имел над собой Судьбу, Историю или Природу, то есть некую высшую силу, в которой мог раствориться. Таким образом, идеология и практика ма удовлетворяют запросы, происходящие из особенностей психологии одной части населения, и задают ориентацию другой части: тем, кому не нужны ни власть, ни подчинение, но кто утратил веру в жизнь, собственные решения и вообще во все на свете.

Дают ли эти соображения какую-то основу для прогноза дальнейшей устойчивости нацизма? Я не считаю себя вправе делать какие-либо предсказания, но мне кажется, что имеет смысл поставить некоторые вопросы, вытекающие из рассмотренных выше психологических предпосылок. Не удовлетворяет ли нацизм при данных психологических условиях эмоциональные потребности населения и не является ли эта психологическая функция фактором, укрепляющим его устойчивость?

Из всего сказанного выше ясно, что ответ на эти вопросы может быть только отрицательным. Факт человеческой индивидуализации — разрыва «первичных уз» — необратим. Процесс разрушения средневекового общества продолжался четыреста лет и в наше время завершается. Если не уничтожить всю промышленную систему, если не вернуть весь способ производства к доиндустриальному уровню, человек останется индивидом, который полностью выделился из окружающего мира. Мы видели, что человек не выдерживает этой негативной свободы, что он пытается бежать от нее в новую зависимость, которая должна заменить ему утраченные первичные узы. Но эта новая зависимость не обеспечивает подлинного единства с миром; человек платит за новую уверенность отказом от целостности своего «я». Между ним и новыми авторитетами остается непреодолимый разрыв; они ограничивают и калечат его жизнь, хотя на уровне сознания он может быть искренне уверен, что подчиняется им совершенно добровольно. Однако он живет в таком мире, который не

только превратил его в «атом», но и предоставил ему все возможности, чтобы стать независимой личностью. Современная промышленная система способна не только создать каждому человеку обеспеченное существование, но и дать материальную базу для полного проявления интеллектуальных, чувственных и эмоциональных возможностей каждого, в то же время значительно сократив его рабочее время на производстве.

Функцию авторитарной идеологии и практики можно сравнить с функцией невротических симптомов. Эти симптомы происходят из невыносимых психологических условий и в то же время предлагают какое-то решение, делающее жизнь терпимой. Но они не дают решения, ведущего к счастью и развитию личности. Они не изменяют условий, приводящих к невротическому решению. Одиночество и бессилие индивида, его стремление реализовать возникшие в нем возможности, объективный факт возрастания производственной мощи современной промышленности — все это динамические факторы, составляющие основу растущего стремления к свободе и счастью. Бегство в симбиотическую зависимость может на какое-то время приглушить страдание, но не может его устранить. История человечества это история растущей индивидуализации и, вместе с тем, история растущей свободы. Стремление к свободе не метафизическая сила, хотя законами природы его тоже не объяснить; оно является неизбежным результатом процессов индивидуализации и развития культуры. Авторитарные системы не могут ликвидировать основные условия, щие стремление к свободе; точно так же они не могут искоренить и стремление к свободе, вытекающее из этих условий.

ГЛАВА 2

2.1 Характеристика особенностей сознания различных групп общества в Германии с точки зрения психологии и общий контекст исторической ситуации в период Третьего Рейха.

Придя к власти в 1933г. Гитлер стал методично трансформировать республиканский строй в тоталитарную диктатуру. В поджоге Рейхстага 27 февраля 1933 г., был обвинен голландский коммунист Ван дер Люббе. Это дало повод к развязыванию антикоммунистической кампании. На фоне этой кампании нацисты начали готовить новые парламентские выборы, которые должны были предоставить НСДАП квалифицированное большинство в 2/3 в Рейхстаге, необходимое для конституционных преобразований. 5 марта прошли выборы и НСДАП смогла увеличить свою фракцию 288 мест Но социал-демократы, которые являлись их основными оппонентами, получили 120 мандатов, коммунисты - 81, центристские группировки — 74. Исходя из этого, квалифицированное большинство НСДАП могла обеспечить лишь в блоке с ННП (52 мандата). Однако, Гитлер не хотел вступать ни с кем в коалицию. Соглашение о консолидированном голосовании было достигнуто с лидерами фракции партии центра, которые добивались гарантии прав католиков при новом политическом режиме. Голосов двух фракций, а также большинства националистов, охотно поддержавших Гитлера, хватило для проведения 24 марта 1933 г. в Рейхстаге закона о чрезвычайных полномочиях правительства. К этому времени фракции левых партий уже были ослаблены начавшимися репрессиями.

С принятием закона «Об устранении бедственного положения народа и государства» от 24 марта 1933 г. правительство получило ограниченные законодательные права, в том числе по изданию законов, противоречащих Конституции (за исключением вопросов, касающихся Рейхстага и Рейхсрата). Следом за ним был принят закон «О защите правительства национального возрождения от коварных посягательств», который предполагал уголовную ответственность за «грубое искажение действительности, суждения, способные причинить тяжелый ущерб благополучию империи». В соответствии с ним в марте была запрещена Коммунистическая партия Германии, а спустя месяц были распущены все профсоюзы. После этого, в июне была запрещена СДПГ, а вскоре и

другие партии объявили о «самороспуске». В июле 1933 г. был окончательно узаконен запрет существования любых политических партий, кроме самой НСДАП. Законом от декабря 1933 г. «Об обеспечении единства партии и государства» были закреплены исключительные функции нацистской партии в ме германского государства. Согласно данному закону, рейхсканцлер получал право лично формировать состав Рейхстага и назначать высших должностных лиц, как фюрер единственной законной партии.

Имперское устройство также подверглось значительной перестройке. Ландтаги были отстранены от формирования земельных правительств уже весной 1933 г. По закону от 7 апреля 1933 г. «О слиянии областей с империей» во главе земельной администрации начали ставиться штатгальтеры (наместники), как правило, из числа гауляйтеров НСДАП. По закону от 30 января 1934 г. ландтаги вообще ликвидировались, а штатгальтеры переподчинили имперскому правительству. Спустя месяц был ликвидирован и Рейхсрат. Последним актом консолидации нового режима было сосредоточение в руках Гитлера полномочий рейхсканцлера, президента и главнокомандующего после смерти президента Гинденбурга 2 августа 1934 г. Принцип фюрерства был распространен на все государство. В Германии, при формальном сохранении Веймарской конституции, была создана тоталитарная диктатура.

В период 1933—1934 гг. Гитлером также были предприняты решительные шаги по объединению собственной партии под его единоличным руководством — уничтожению оппозиции внутри партии. Существование так называемого «левого», или антигитлеровского, крыла НСДАП было связано с наследием национал-революционного движения. Возглавляемое братьями Грегором и Отто Штрассерами, «левое течение» оформилось в НСДАП после провала мюнхенского путча 1923 г. В отличие от Гитлера, Штрассеры стремились распространить идеи национал-социализма именно в рабочей среде. В то время, когда Гитлер находился в тюремном заключении, а затем восстанавливал в партии свое

влияние, Грегор Штрассер сумел создать автономную в рамках НСДАП организацию «Рабочее содружество северо- и западногерманских гау». Программные установки «левого крыла» были ориентированы на возрождение традиций фелькишского социализма, идей немецких солидаристов и были близки к национал-большевизму. Штрассеры считали нецелесообразным распространение принципа фюрерства на все государственное устройство и создание тотальной диктатуры одной партии. Они призывали к объединению всех «здоровых сил общества» вне партийной зависимости, созданию государственного режима с избираемым президентом во главе и сословно-корпоративным представительным органом как основной властью. К этому добавлялась более жесткая позиция в отношении монополий и крупных землевладельцев, требование автаркии народного хозяйства, интенсивного обложения прибылей, широкой национализации промышленной собственности, борьбы против «желтых профсоюзов». В отличие от Гитлера, Штрассеры практически не уделяли внимания мистическим, оккультным элементам, в их программных установках не столь значительное место занимал антисемитизм. Сторонники Штрассеров отвергали биологическую агрессивность внешнеполитической концепции Гитлера. Рейх рассматривался ими как стержень Средне Европейского союза с участием Франции и других стран. Популярной среди них была и идея революционной обороны в союзе с СССР против международного империализма.

Открытое противостояние Штрассеров и Гитлера началось уже с 1926 г. Гитлер добился ликвидации «Рабочего содружества», но вплоть до начала 30-х гг. Грегор Штрассер оставался человеком № 2 в партии. До определенного времени он был даже полезен фюреру, так как внес большой вклад в расширение социальной базы НСДАП, в установление контактов с финансовыми и правительственными кругами. Отто Штрассер с группой наиболее левых сторонников был вынужден выйти из партии уже в 1930 г. и образовать автономную партию «Боевое содружество революционных национал-

социалистов». Спустя год на его основе было сформировано широкое движение национал-большевистского толка «Черный фронт». Именно «Черный фронт» рассматривался Шлейхером в конце 1932 г. как один из основных партнеров в противоборстве с НСДАП. Однако сыграть сколько-нибудь заметную политическую роль организации О. Штрассера не удалось. После прихода нацистов к власти изменилось и положение сторонников Грегора Штрассера внутри НСДАП. Гитлер не мог терпеть столь опасного соперника. Во время «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г. представители «левого течения» были уничтожены. Тогда же погибли и многие лидеры штурмовиков, в том числе их командир Эрнст Рем. В рядах СА была ликвидирована группировка, недовольная чрезмерным ужесточением принципа фюрерства и отходом Гитлера от «революционных принципов». К концу 1933 г. из СА было изгнано более 200 тыс. чел. Тем самым было закреплено монопольное господство Гитлера в НСДАП и положено начало созданию совершенно уникальной тоталитарной модели, значительно отличавшейся как от тоталитарной коммунистической системы в СССР, так и от фашистских режимов в Италии, Австрии, Испании, Португалии.

Правовая Формирование тоталитарной государственности в система Третье- Германии было в целом завершено уже к 1934-го Рейха 1935 гг. Деятельность государственных институтов выходит за рамки управления, контроля и подавления, приобретает прямые социальные функции, вторгаясь в частную жизнь человека, разрушая независимое бытие личности. Однако речь шла не столько о создании некоего сверх централизованного полицейского государства, сколько об изменении самих основ отношений человека и государства, о формировании самобытной правовой доктрины, тесно связанной с постулатами национал-социалистической идеологии. В отличие от обычных авторитарных систем, человек представляется здесь не только в качестве объекта политической воли государства, но и как активное личностное начало. Отрицалась лишь индивидуальная природа личности, ее противопоставление обществу, присущее либераль-

ной конституционно-правовой традиции. Личность рассматривалась как органическая, неотъемлемая часть социума, а ее правовой статус — как производный от статуса основного социально-правового субъекта — немецкого народа. В результате основой правового статуса человека становится его общественная лояльность, признание «интереса народа» (как реального и неделимого на интересы, групповые и частные) в качестве высшего собственного интереса. Личность не призывалась к отрешению от частных интересов, но должна была стремиться к объединению их с преобладающими общественными интересами.

Специфичностью национал-социалистической теории по сопоставлению с другими фашистскими концепциями государственного строительства считалось сужение правового представления понятия «народ» до отдельной общественной группы, которая объявлялась высочайшим субъектом правоотношений и истинным носителем императивного суверенитета. В данной роли представлялась арийская раса как определенный этнокультурный вид. Настоящий правовой статус личности определялся уже не лишь только степенью общественной лояльности, но и конкретной принадлежностью человека к высшему носителю суверенитета, т. е. «расовой чистотой». При этом появлялся конкретный дуализм правовой теории, обосновывающей существование немецкого национального государства и, в то же время, создание арийского Рейха. Данная неувязка была бесповоротно решена Нюрнбергским законодательством 1935 г. («Закон о гражданстве» и «Закон об охране германской крови и германской чести»), в соответствии с коим население страны делилось на категории «граждан» и «подданных». Вся полнота политических и общественных прав признавалась лишь только за «гражданами» — лицами германской или же немецко-родственной национальности («фольксдойче»). «Подданные» теряли политические права и ограничивались в ряде гражданских прав. При этом правовой статус «граждан» имел конкретную внутреннюю дифференциацию. Необходимым аспектом полноты правового статус-

са, особенно в области политических прав, был уровень расовой чистоты. Для лиц со смешанной расовой принадлежностью, в т.ч. с примесью еврейской крови, устанавливались различного рода промежуточные категории урезания их прав. К «расово чистым» гражданам предъявлялись дополнительные требования своим поведением каждый день доказывать свою преданность Германии. Невыполнение этих требований могло послужить причиной для лишения гражданства или же частичного поражения в правах.

Теория арийского народного государство стала базой для глубочайшей модификации всей правовой системы Германии. В 1937 г. основной свод германского права — Гражданское уложение 1896 г. — был заменен отдельными законами, которые были переработаны в согласно расовому законодательству. С 1939 г. началась подготовка нового кодекса гражданского права — Народного уложения». Его лейтмотивом стала формула, щая сущность национал-социалистического правосознания: «Право — это то, что полезно народу и рейху». Показательны с данной точки зрения те изменения, которые были внесены в области брачно-семейного регулирования. Призванные гарантировать расовую чистоту германского общества, новые критерии ограничивали в том числе и свободу вступления в брак — для бракосочетания требовалась неотъемлемая справка особых «судов здоровья». В системе отраслей права колоссально видоизменилось положение и роль уголовного права. Исходя из концепции целостности базовых интересов личности и общества, система уголовного права оказалась нацелена прежде всего на установление ответственности за государственные правонарушения, а не за преступления против личности. Была расширена трактовка состава государственных преступлений — как с точки зрения преступлений в области нового законодательства (например, расового), так и возможности превентивного наказания инакомыслия. При этом самую важную роль стала играть правовая категория «враг народа», относящаяся к субъектам, не только осуществившим те или другие

криминальные действия против социальной защищенности и социального блага, но и элементарно не разделяющих национал-социалистические («народные») убеждения. противопоставляющие личный интерес интересу этническому и т.п. В соответствии с этим, «антинародный» тип мысли становится достаточным основанием для наличия состава преступления напротив государства. Ответственность за государственные правонарушения значительно ужесточилась. Так, к примеру, правонарушения против членов НСДАП и должностных лиц страны карались смертной казнью или же тюремным заключением на срок свыше чем 15 лет. С 1933 г. была введена новая форма смертной казни — казнь через повешение.

В новой редакции Гражданско-процессуального кодекса (1934 г.) и Уголовного кодекса (1935 г.) значительному упрощению подверглась система судопроизводства. Законодательству Рейха была придана форма обратной силы — наказанию подлежали и правонарушения, совершенные и до принятия этих законов. Слушание дел выполнялось по сокращенной процедуре. Ход слушаний становился демонстративно «непосредственным», и был нацелен не на соблюдение основ формальной законности, а на выяснение сущности дела. Распоряжением 1935 г. судьям предписывалось руководствоваться при рассмотрении дел принципами «национального правосознания» и мыслями национал-социализма. В тех случаях, когда имеющееся законодательство не выделяло прямых предписаний, личное правосознание арбитров рассматривалось как достаточное для вынесения заключения суда. Институт адвокатуры был всецело огосударствлен, но при этом процедура судебной защиты все также была формально неотъемлемая. На суды возлагалась в том числе и обязанность предварительного обоснования лицам, отказавшимся по бедности от уплаты предварительных судебных расходов, степени перспективности рассмотрения дела, возможности его положительного исхода. Сама судебная система не была та значимой перестройке, впрочем в одном ряду с обычными судами с 1933 г. бы-

ли введены особые суды для рассмотрения антиправительственных злодеяний. Эти суды состояли из 3-х членов партии, а их заседания проходили без присяжных. Заключение о направленности дела в обыденный или же особый суд принималось прокурором. Сохранялась и система партийных судов, рассматривавших дела членов НСДАП. В 1936 г. для рассмотрения наиболее важных дел был учрежден Народный суд, состоявший из пожизненно назначавшихся судей, присяжных заседателей и советников. Характерно, что главная часть распоряжений Народного суда не отличалась большой жестокостью. За время собственного существования он приговорил 225 тыс. человек, в общем, к 600 тыс. годам тюремного заключения. За то же время было вынесено и 5 тыс. смертных приговоров (правда, основная масса из их выпала уже на этап войны).

Государственно-политическое осуществление идеи арийского го государства привела к созданию в Германии принципиально новой императивной структуры. Де-юре ее основой считалась система народовластия. Исходя из предполагавшейся целостности личностных и всенародных интересов и подчиненного значения массовых, корпоративных интересов механизмы представительной демократии сменились прямой плебисцитарной демократией (как наиболее точно отражающей единое мнение народа). Впрочем в реальной политической практике Рейха проведение плебисцитов происходило в исключительных случаях. Так, к примеру, в 1933 г. на плебисците решался вопрос о выходе из Лиги наций, в 1934 г. — о президентских полномочиях канцлера, в 1938 г. — о присоединении Австрии. Также, предусматривалось, что на плебисцитарной основе должно проходить утверждение списка 2 тыс. кандидатов в состав Рейхстага, из которых фюрер отбирал 810 депутатов. Настоящий эпицентр властвования находился в рамках диктаторского государственного механизма. Впрочем, нужно учитывать, собственно что в отличие от других фашистских режимов для национал-социалистов сам принцип этатизма не имел самодовлеющего окраса. Тогда как фашисты рассматривали государство Третьего рейха, как полное

средоточие народного духа, то нацисты видели в нем только формальную структуру. «Раса и лицо — вот ключевые моменты нашего миропонимания. Оно принципиально видит в государстве лишь только средство к цели», — заявлял Гитлер в «Майн кампф». Данной целью и считалось образование новой личности - сверхчеловека, создание нового общественного и общемирового порядка, отражающего расовую иерархию. Система государственного управления, созданная в нацистском Третьем рейхе, была нацелена не столько на регулировка тех или других задач существующего социума, сколько на решение стратегических задач национал-социалистического развития. Государство как система, объединяющая все частные и массовые интересы, должно было уступить первенство новейшему субъекту, сосредотачивающему волю народа (расы) на целенаправленное переустройство человека и общества. Этим субъектом императивных отношений стала нацистская партия.

Само положение тоталитарной партии в Рейхе отличалось от роли подобных партий в других фашистских государственных системах. НСДАП имела совершенную монополию политической власти, подчинив иные вертикальные институты(армию, бюрократию) или же вытеснив их (церковь). Непосредственный партийный контроль над всеми институтами страны был узаконен Указом от июля 1934 г. об обязательности решений заместителя фюрера по партии «в вопросах, связанных с подготовкой законопроектов во всех административных инстанциях империи». Заместителем фюрера по партии с 1933 г. был Рудольф Гесс. С 1941 г. эти возможности были институализированы в специальных правах Партийной канцелярии фюрера под управлением рейхсляйтера Мартина Бормана. Партийная канцелярия контролировала работу разветвленной сети отраслевых отделов НСДАП, главы коих во множестве случаях занимали надлежащие места и в непосредственной системеских министерств (к примеру, И. Геббельс, ставший во главе отдела пропаганды НСДАП и Министерства национального просвещения и пропаганды, Р.-В. Дар-

ре, руководивший аграрным отделом и министерством сельского хозяйства и продовольствия, А. Розенберг - руководитель отдела внешней политики и министерств захваченных территорий). Сама система гос. управления значительно унифицировалась. Сокращалось воздействие принципа коллегиальности, увеличивалась вертикальная субординация. По Закону от 7 апреля 1933 г. все госслужащие были представлены единым объединением, членство в которой обуславливалось политической преданностью. Занятие «почетных постов» было допустимо только для лиц арийского происхождения. Закон о чиновничестве 1937 г. бесповоротно оформил абсолютную публично-правовую ответственность и отчетность гос. служащих непосредственно перед фюрером. К концу 30-х гг. членство государственных служащих в НСДАП достигло 70 %. В рамках унификации также было ликвидировано федеративное устройство Германии и система районного самоуправления. Основой территориально-политического устройства стала внутренняя структура НСДАП. Во главу администрации округа назначался наместник — штатгальтер. Закон 1935 г. «Об имперских наместниках» определял штатгальтеров как «представителей имперского ства», отвечающих за «наблюдение за выполнением политических директив фюрера и рейхсканцлера». Штатгальтеры практически во всех случаях считались и фюрерами-гауляйтерами областных партийных организаций. В их ведении оказывались буквально все вопросы, не считая судебных, денежных, а назначения ответственных земельных чиновников. Гауляйтеры несли личную ответственность непосредственно перед самим фюрером.

Сама роль фюрера в создавшейся гос системе была очень велика. Уже впоследствии плебисцита 1934 г. фюрер сосредоточил в собственных руках чрезвычайные полномочия. В дальнейшем система единоличной власти ла закреплена. Правовой статус Гитлера определялся сочетанием функций рейхсфюрера, рейхсканцлера и верховного главнокомандующего, что, собственно, разрешало объединить высочайшее партийное, государственное и военное служящее

управление. После чего, для воплощения координации данных сфер при фюрере была создана также Коллегия 3-х уполномоченных, в состав которой входили главы партийной канцелярии (М. Борман), рейхсканцелярии (Х. Ламмерс) и военной канцелярии (А. Йодль). Не считая этого, вокруг фюрера создавались особые императивные структуры, оказавшиеся за пределами партийной и государственной иерархии (Тайный кабинет по внешней политике, Совет министров по обороне). В согласовании с Указом от 28 августа 1939 г. все главы высших гос. учреждений были признаны ответственными непосредственно перед мим фюрером. В 1942 г. распоряжение Рейхстага от 26 апреля бесповоротно закрепило исключительные полномочия фюрера как "вождя нации", го главнокомандующего, руководителя правительства и высшего носителя правительственной власти, верховного судьи и фюрера Партии одновременно». Нужно отметить, что именно система вождизма считается важнейшей составляющей всякой формы тоталитарной и авторитарной государственности. Но в критериях доминирования партийного принципа в императивной иерархии она заняла особенное положение. Гитлер как вождь германской нации занимал личный пост уже не в силу собственных личных харизматических качеств или же формального государственно-правового статуса, а как раз как глава партии. Его образ ассоциировался не с государством, а с партией. Кроме единоличной диктатуры предводителя, формируется комплексная система фюрерства — пирамидальная иерархия политического управления изнутри партии (рейхсляйтеры — гауляйтеры — крейсляйтеры — ортсgruppenляйтеры — целенляйтеры — блокляйтеры).

Партийно-государственная структура-Рейха дополнялась комплексной идеологическо-политической системой. На этапе консолидации фашистских режимов идейная идеологическая машина выполняет чрезвычайно важную политическую роль. Формируя особый комплекс упрощенных, но ких представлений, понятий-символов («единая родина», «единая историческая

судьба», «единый предводитель народа»), она унифицировала мировосприятие, формируя «общие святыни» и воспитывая ненависть к «общим врагам». Это позволило фашизму не только заручиться глобальной помощью на этапе прихода к власти, но и закрепить собственную социальную базу в последующем. Впрочем иные фашистские режимы показали определенную эволюцию идейной теории. Идея борьбы сменялась в ней идеей солидарности и целостности народа, фигура бойца — фигурой труженика, рос смысл традиционных ценностей — религиозной веры, домашних устоев. Идеологическая машина Германии была в данном отношении уникальной и даже оригинальной. Она ориентировалась не на освящение и закрепление созданной системы (немецкого суверенного государства), а на подчеркивание ее временного, ограниченного характера. Перед социумом ставилась высочайшая, великая цель (новый вселенский расовый порядок), задача, которой обязаны были быть подчинены все усилия в финансовой, политической, общественной, внешнеполитической сферах. При этом осознание высочайшей цели проецировалось и на представление об отдельном человеке. Ключевой задачей системы провозглашалось образование «новой личности», сверхчеловека, с особенной общественной этикой и моралью, личности, жизнь которой практически полностью была бы подчинена высшим основам, служению высочайшей правде. Как раз этому духовному строительству и надлежало стать магистральной линией становления национал-социалистического «нового порядка».

Ожесточенная борьба за умы и сердца людей превращала национал-социализм в непримиримого врага любых других идейно-политических концепций. Борьба за монополию духовного воздействия становилась для нацизма актуально необходимой. Либеральные ценности вызывали презрение нацистов как ослабляющие, разрушающие человеческую сущность, растлевающие ее или же уводящие в неверный мир ложных добродетелей. Настолько же не сочетающимся оказался нацизм и с христианским миропониманием. В отличие от

тривиального тяготения итальянского, австрийского, испано-португальского фашизма к солидаристским идеям, выдвигавшимся Римско-католической церковью в начале XX в., национал-социалистическая партия никогда не чувствовала воздействия католицизма. После прихода к власти руководство НСДАП согласилось из тактических соображений на сотрудничество с Церковью. 20 июля 1933 г. был заключен конкордат с Ватиканом, гарантирующий, с одной стороны, неприкосновенность церковной веры и прав католиков при новом строе и, с другой стороны, преданность католического клира ценностям Рейха и германского народа. Впрочем, в последующем христианские конфессии стали подвергаться все более строгим ограничениям. Протестантская евангелическая церковь была практически подчинена государству. На основе лютеранского крыла германского протестантизма было сформировано реформаторское церковное объединение «Немецкие христиане», выступающее за нацификацию церкви. Католические священники и прихожане в дальнейшем становились объектом уже открытых репрессий. Непримируемое отношение нацистов к возможности клерикализации режима и их враждебность в отношении христианства в конечном счете вынудило Ватикан пересмотреть положительное отношение не только к национал-социализму, но и к фашизму вообще. Сами же нацисты вовсе не были расположены отождествлять личную идеологию с фашистской. Й.Геббельс заявлял: «Фашизм ничем не похож на национал-социализм. В то время как последний идет корнями внутрь, фашизм есть лишь только поверхностное явление». То же подчеркивал и Г. Гиммлер: «Фашизм и национал-социализм — это 2 глубоко отличных друг от друга явления... Безусловно, не может быть сопоставления между ними, как между духовными, идейными движениями». Фашизм рассматривался нацистами как вероятный союзник в противоборстве с либерально-демократической системой, но не более того. Другое идейно-политическое перемещение авторитарного толка — большевизм — считалось для нацистов не наименее неприятным врагом, чем католицизм. Это противоборство

на 1-ый взгляд диктовалось расхождением идеологических теорий, настолько важных для функционирования тоталитарного механизма —мым конфликтом национализма и интернационализма, мистицизма и атеизма, надклассового солидаризма и пролетарской классовости. Но за борьбой этих идей скрылась ещё больше значимая первопричина несовместимости, связанная как раз с генетической родственностью обеих систем. Ее достаточно охарактеризовал Ф. Хайек: «Национал-социализм и большевизм боролись за людей с определенным, схожим типом сознания и ненавидели друг друга, как ненавидят еретиков».

Таким образом, идейная функция нового государственного режима считалась актуально необходимой для национал-социализма. Разработанная в рамках государственного организма идейная машина уже не только ла стратегические ориентиры становления общества, но и сама преобразилась в ключевой регулятор социальных отношений. На службу официальной пропаганде были поставлены новейшие достижения СМИ, кинематографа, фундаментальная и прикладная наука, искусство, спорт, туризм, досуг. И. Геббельс, рейхсминистр национального просвещения и пропаганды, предвосхитил почти все составляющие прогрессивной доктрины влияния на общее сознание. Под его управлением была создана неслыханная идеологическая система, превратившая идеи национал-социализма в целый мировоззренческий, морально-этический комплекс действенной модели воспитания «нового человека», отвергающего значения гуманизма и демократии, основы рационалистического мировосприятия. В некотором смысле, и партия, и правительство, и всевозможные публичные организации считались только частью совместной идеологической системы. Формируя разветвленную сеть дочерних организаций, НСДАП становится абсолютно глобальной и охватывает теперь все слои населения. К 1945 г. лишь только в рядах самой партии было уже свыше 6 миллионов человек.

Особенное значение придавалось партийной воспитательной работе с молодежью. В 1935 г. было осуществлено соединение НСДАП и организации «Гитлерюгенд», членство в которой стало неотклонимым для молодежи арийского происхождения от 10 до 18 лет. Руководителем данной организации был назначен рейхсюгендфюрер Бальдур фон Ширах. «Гитлерюгенд» представлял из себя разветвленную систему детских и молодежных организаций, охватывающих младшие группы 10—14 лет для мальчиков («Дойче юнгфолк» — «Немецкая молодежь») и девочек («Юнгме-дельбунде» — «Союз девочек»), взрослые группы 14—18 лет (непосредственно «Гитлерюгенд» — «Гитлеровская молодежь» — для юношей и «Бунд дойчер медель» — «Союз германских девушек»). Работа данных организаций носила разнопрофильный характер, но приоритетными считались идейная и физическая подготовка. Те же цели ставились перед гос. системой образования. По достижении 18 лет юноши проходили службу в вермахте, девушки — неотъемлемую трудовую повинность («сельхозгод» — работа на фермах, и «год бытового хозяйства» — работа в городских семьях). Таким образом, вся молодежь Германии в возрасте 10—20 лет оказывалась под контролем агрессивно настроенной, централизованной идейно-политической системы, способной оказывать значительное воздействие на формирование физических, духовных, общественных качеств личности.

Ещё одним примером сращивания императивных иских функций считалась работа репрессивного аппарата. Система национал-социалистического террора, представленная органами полицейского контроля, политическим следственным аппаратом, концентрационными лагерями, выполняла в условия фашистских режимов задачу «санации» общества, «очищения» его от нелояльных его составляющих. Террор должен был не только карать государственных преступников, но и изолировать политически активных членов общества, способных стать реальной оппозицией «народному режиму». Функции репрессивного аппарата в нацистском Рейхе оказались значительно

обширнее. Данная система была нацелена в первую очередь на разрешение воспитательных задач, полный контроль над общественным массовым сознанием, практически полностью распространяемый и на лояльную долю общества. Основой ее стала «империя СС», возглавляемая Г. Гиммлером.

Из собственной охраны Гитлера СС трансформировались в лояльное государство в государстве. Все высшие члены НСДАП и Рейха считались членами СС. Под эгидой Главного общего управления формировалась единая иерархия членства СС, включавшая несколько ярусов — «шар» (8 человек), «труппе» (3 шар), «штурме» (3 труппе), «штурмбанн» (3 штурме), «штандарте» (3—4 штурмбанн), «абшнит» (8—10 тыс. чел.), «группе» (несколько абшнит). Данная иерархия объединялась в т.н. «Общие подразделения СС» — «Альгемейне». Совместные подразделения, наряду с «караульными отрядами» («Вахфербенде») и «отрядами для поручений» («Ферфюгунстрруппе») составляли войска СС. Эти отряды осуществляли не только силовые функции, но стали также прототипом грядущей армии Третьего Рейха.

Организационная система СС бесповоротно оформилась уже к концу 30-х гг. с созданием Имперского главного управления безопасности (РСХА) под управлением Р. Гейдриха (с 1942 г. Э. Кальтенбрунера). В состав РСХА вошли несколько управлений, в т.ч. тайная государственная полиция Гестапо (Г. Мюллер) и отряды службы безопасности СД — служба внешней разведки СД-Аусланд (Х. Йост, с 1941 г. — В. Шелленберг), контролирующая внутривнутриполитические вопросы СД-Инланд (О. Олендорф), внутренняя секретная полиция ЗИПО/СД (В. Бест). Не считая этого, в составе РСХА находилась и криминальная полиция КРИПО, а в качестве автономной структуры СС сохранялось Главное управление полиции порядка- ОРПО. Не было никаких сфер жизни германского общества, недоступных воздействию СС. Под эгидой СС с 1933 г. формировалась и система концентрационных лагерей. Концлагеря стали ключевым рычагом идейно-воспитательной работы СС. В отличие от «лагерей смерти» в период второй ми-

ровой войны, данная система была нацелена не столько на «санацию» общества методом физиологической ликвидации «опасного общественного материала», сколько на идейную «перековку» нелояльных людей. Сквозь концлагеря было проведено свыше 1 млн германцев, основная масса которых была после чего освобождена и отчасти восстановлена в правах. Механизмы «перевоспитания» включали как краткосрочное отбывание в лагерях трудовой повинности, так и длительный процесс идеологической обработки членов прежних оппозиционных партий и глубоко верующих католиков в спец. лагерях. Целью данной работы было признание человеком заслуг нацистского режима в решении насущных задач германского народа и публичное свидетельствование собственной преданности. Огромное значение приобретала также и воспитательная работа СС в личных рядах. Со временем Гиммлер планировал перевоплотить собственную организацию в расовую верхушку германской цивилизации. Члены СС подверглись массивному идейному влиянию, охватывая оккультные, мистические ритуалы. Была создана независимая система обучения высших сотрудников СС — «школы Адольфа Гитлера», военные училища Наполас и средневековые замки Орденсбурген. В СС велась кропотливая демографическая политика, призванная создать генетически чистый, незапятнанный образ арийца. Для немцев, пожелавших иметь детей от членов СС, были открыты 12 особых родильных домов.

Приступая к строительству «Тысячелетнего Рейха», нацистское руководство исходило из необходимости коренного изменения социальной иерархии режима немецкого общества, создания новых статусных моделей, определяющих место человека в арийском государстве. Этой цели служили как экономические мероприятия, формирующие «рамки бытия» основных социальных групп, так и меры психологического характера, ориентированные на массовое эмоциональное воздействие, формирующие общие поведенческие стереотипы и ценностные установки. Подобная идеологически насыщенная социальная политика приобретала исключительную роль, поскольку позволяла органически соединить многие доктринальные постулаты национал-социализма с традиционными ценностями, приемлемыми и привлекательными для любого человека.

В годы Правления нацистов в Германии неукоснительно и кропотливо создавался культ труда, материнства, мужской доблести, народного единства, патриотизма. Труд во благо нации пропагандировался как высшая гражданская обязанность каждого немца. Огромные масштабы приобрело Имперское трудовое соревнование — ежегодно проводимые профессиональные соревнования среди рабочих с целью повышения квалификации. В дальнейшем эти соревнования охватили все виды трудовой деятельности, вплоть до конторских служащих и студентов. В число наиболее значимых общенародных праздников вошел Национальный день труда 1 мая. Значительную роль в популяризации идеи свободного народного труда сыграла общественная организация «Сила через радость» (в составе Германского трудового фронта). Под ее эгидой действовала разветвленная система народного досуга, воспринимаемая как важнейшее свидетельство общественной значимости честного и добросовестного труда. Центрами досуга становились «дома немецкого труда», осуществляющие организацию народных театров, выставок, массового туризма, спортивно-оздоровительной работы. Для финансирования программ «Силы через радость», выделялись огромные правительственные субсидии (в 1933—1934 гг. — 24 млн марок, в 1935 г. — 17 млн марок, в 1936 г. — 15 млн марок). Для нужд этой организации были построены два первоклассных океанских лайнера, в ее ведение были переданы виллы эмигрантов (так, например, народные дома отдыха были устроены на виллах Л. Фейхтвангера, Т. Манна, М. Дитрих). «Сила через радость» патронировала известный проект создания «народного автомобиля» — «Фольксвагена».

Исключительно важным компонентом государственной социальной политики стала программа «Источник жизни» по поддержке материнства и детства. Поощряя рождаемость и патриархальные устои семейной жизни, правительство с 1933 г. начало выплату особых пособий в 1 тыс. марок женщинам, оставившим работу после замужества. Кроме финансовой поддержки многодетных семей, осуществлялась и разносторонняя деятельность по повышению социального статуса материнства. Второе воскресенье мая стало общенародным праздником «Материнский день», когда проходило награждение многодетных матерей Крестом

славы. Нацистский режим осуществлял последовательную и агрессивную политику «нравственного оздоровления» немецкого общества. Жесточайшим преследованиям подвергались проституция и гомосексуализм. «Здоровым», «истинно народным» должно было стать и искусство. Неприязнь многих немцев к некоторым формам современного искусства (например, экспрессионизму, футуризму, абстракционизму) использовалась для насаждения упрощенных эстетических канонов, отрицания индивидуальных основ творчества. Эти эстетические принципы воплощались в монументальной архитектуре Третьего Рейха, живописи и музыкальных произведениях, призванных воспевать героизм труда, материнства, солдатскую доблесть и народное единство.

Сплачивая нацию в духовном, идеологическом плане, нацизм осуществлял обратную политику в области статусных социальных отношений. Здесь основным лейтмотивом стало создание корпоративной системы, призванной закрепить и обособить «ниши» отдельных социальных групп и свести к минимуму стихийную социальную мобильность. Каждая из социально значимых групп немецкого общества оказывалась в итоге в двойственном положении: с одной стороны, режим обеспечивал ей бесспорные преимущества, но с другой — создавал жесткие ограничения. Так, например, крупные предпринимательские круги получили все выгоды, сопряженные с активной государственной протекционистской поддержкой, были защищены от забастовочного движения.

Мелкобуржуазные слои — ремесленники, торговцы, кустари — попали под влияние той же бюрократической машины. Попытки Боевого союза промышленного среднего сословия, оказавшего значительную поддержку НСДАП в период прихода к власти и тесно связанного с СА, добиться проведения политики декартелизации и ликвидации крупных торговых фирм не увенчались успехом. Уже в 1933 г. Союз был распущен. В дальнейшем значительная часть мелких предприятий была ликвидирована или слита с более крупными. Но оставшиеся, войдя в систему Имперской палаты ремесла, оказались защищены от конкуренции благодаря запрету создания новых ремесленных мастерских и торговых точек, получили

доступ к государственным заказам и кредитам. Важное значение для мелких торговцев имело принятие закона «О защите розничной торговли», вводящего понятие «честной конкуренции» и запрещающего практику торговых скидок и премий (используемую крупными универмагами). Ограничению подверглась сетевая торговля с использованием автоматов, а также содержание питейных заведений при крупных универмагах (что спасло от разорения сотни мелких пивных).

Сходную политику правительство проводило и в отношении земельных собственников. В соответствии с «Законом о наследственных дворах» 1933 г. создавалось сословие бауэров — землевладельцев арийского происхождения, имеющих земельные наделы от 7,5 до 125 га (остальные считались просто сельскими хозяевами — ланд-вертами). Бауэрам запрещалось дробить земельную собственность при наследовании, продавать и закладывать ее, но при этом они освобождались от долгов, налогов на наследство и поземельного. Свободный рынок сельскохозяйственной продукции был ликвидирован.

Сложным было и положение юнкеров. Не решаясь на прямую экспроприацию недостаточно эффективной латифундиальной собственности, руководство Рейха предприняло ряд шагов, косвенно направленных против юнкеров. На большинство из них (владеющих земельной собственностью более 125 га) не распространялись привилегии сословия «кормильцев Рейха», законы, защищавшие права крупных арендаторов. Ориентация режима на крупные крестьянские хозяйства была связана не только с экономическими, но и с идейно-политическими факторами. В соответствии с государственной программой «Кровь и почва» крестьянское сословие должно было стать оплотом расовой чистоты и оборонной мощи Рейха.

В двойственном положении оказался в период нацистской диктатуры и немецкий пролетариат. Наемные рабочие были лишены прав на образование независимых профсоюзов, заключение коллективных договоров, борьбу за улучшение условий и оплаты труда. Тарифные ставки заработной платы были заморожены на уровне кризисного 1932 г. С вводом трудовых книжек был значительно затруднен

переход на другие предприятия. В то же время государственное законодательство регламентировало продолжительность рабочего дня, размер зарплаты, вводило систему защиты от необоснованных увольнений, создавало инстанции для обжалования действий предпринимателя. Декларировался принцип равенства прав предпринимателей и рабочих. Создавались «социальные суды чести», в которых должны были рассматриваться случаи нарушения «социальных обязанностей» как рабочих, так и предпринимателей. Хозяева предприятий по решению таких судов могли лишиться звания фюрера (что означало и потерю собственности). В годы правления нацистов резко сократилась безработица (с 6 млн в 1933 г. до 900 тыс. в 1937 г. и 120 тыс. в 1939 г.). Благодаря всеобщему запрету на повышение цен и рост зарплаты, а также частичному вводу карточной системы стабилизировалась система потребления. Действовала разветвленная система благотворительности, основным звеном которой стал фонд «Зимняя помощь». К 1937 г. около 10 млн человек получили через него продовольственные посылки или наличные деньги. Кроме того, фонд организовывал бесплатные обеды («дни горшочка с мясом»). Фамилии тех, кто отказывался оказывать помощь фонду* вывешивались на специальных «досках позора». Еще более важной для рабочих была деятельность организации «Сила через радость» — благодаря ей многие немцы впервые получили возможность разностороннего и здорового досуга. Для рабочих семей большое значение имела и государственная поддержка материнства, создание целостной государственной системы образования и воспитания, которая приняла на себя заботу (в том числе и материальную) о детях и молодежи.

В достаточно привилегированном, хотя и чрезвычайно ограниченном положении находились государственные служащие, а также интеллигенция, которая фактически оказалась при нацистском режиме в той же роли. Эти социальные группы в наибольшей степени пострадали от политики нацификации, расовых и идеологических чисток. Интеллигенция, преподаватели и учителя практически утратили свободу творчества, свободу слова. Но та часть из них, кто адаптировался к новому режиму, оказался на одной из наиболее обеспеченных и защищенных ступеней социальной иерархии. Режим, создавший аппарат тотального управле-

ния и пытавшийся взять под контроль мысли и чувства своих граждан, предъявлял высокие требования к тем, кто стал опорой в этой деятельности, но обеспечивал для них и достаточно высокий общественный статус.

Итак, социальная политика нацистского режима сводилась к формированию жесткой корпоративной системы, превратившей общество в систему максимально изолированных клеток со своими социально-экономическими функциями. Скрепляющим их звеном, обеспечивающим единство нации, становилось пестуемое чувство расового превосходства, многочисленные объединяющие символы, мифы, ценностные категории. Тем самым, менялся весь внутренний механизм социального поведения человека, его побудительные мотивы и стимулы. Именно политическая мотивация все в большей степени определяла поступки человека — экономическую деятельность, социальное поведение, семейные отношения, досуг. Продвижение «вверх» по социальной иерархии, изменение общественного статуса, а с ним и имущественного положения все больше зависело от государственно-политической карьеры, от факторов, имевших идеологическую окраску. Большинство немцев оказались вполне лояльны к происходящим изменениям. Многих устраивали новые «правила игры», позволяющие вырваться из прежней убогой и бесперспективной жизни, другие были слишком измучены многолетними кризисными переживаниями, страхами, неуверенностью в будущем. Тех же, кто оказывался в оппозиции к новой системе, безжалостно изолировали или уничтожали. Ядром социальной оппозиции стали представители трех групп — родового немецкого дворянства, католиков и коммунистов (что можно установить по статистике неудавшегося «перевоспитания» контингента концентрационных лагерей). Нетрудно заметить, что во всех этих случаях, основой принципиальной оппозиционности становилась не утрата того или иного статуса или привилегий, а именно идейное, духовное отторжение нацизма,

Помимо активной оппозиции от новой социальной системы изначально отвергались и некоторые другие социальные слои — им не нашлось места в «расово чистом» Рейхе. Основной удар был нанесен по еврейскому населению (в 1933 г. в

Германии было около 500 000 человек, признанных евреями с точки зрения нацистской расовой классификации). После прихода нацистов к власти эмиграция евреев не приняла широкого характера. Сказывалось незнание иностранных языков, сложности с поиском работы в других странах, ограничения на вывоз имущества и материальных ценностей. Прямые репрессии в отношении евреев также первоначально были незначительны. Евреи даже оставались формально под защитой закона в случае совершения уголовных преступлений против них. Но постепенно расовое законодательство все больше ограничивало их жизнь практически во всех сферах. По законам 1936 г. евреям было отказано в гражданстве, праве иметь оружие, владеть многими видами собственности, запрещался брак с лицами арийской расы. Ситуация кардинально изменилась в 1938 г. Поводом к началу массовых репрессий стало убийство 7 ноября 1938 г. в Париже секретаря немецкого посольства молодым психически нездоровым евреем Гершелем Грюншпаном. 9 ноября по Германии прокатилась волна еврейских погромов (эти события получили название «Хрустальной ночи»). В стране к этому времени оставалось примерно 300 тыс. евреев. Многие из них пытались эмигрировать, но это было уже затруднительно. Вывозить из страны удавалось в основном детей. На проживающих в Германии евреев была наложена расовая контрибуция — в 1 млрд марок. Невыплата этой контрибуции стала основанием для массовых конфискаций еврейских предприятий, а также изымания личных ценностей. В некоторых областях полицейскими предписаниями устанавливались ограничения евреев на передвижение и проживание (гетто). Евреи, начиная с 6 лет, были обязаны носить на одежде установленный знак своей национальности. Уже в годы войны руководство Рейха пришло к выводу, что принятый ранее план тотального вывоза евреев из Европы для создания автономного поселения на острове Мадагаскар нереален. С этого момента начинается холокост — нацистская политика планомерного уничтожения евреев в «лагерях смерти» (всего погибло до 6 млн чел.). В самой Германии уже с 1935 г. расовой дискриминации подверглись и 22 тыс. проживавших здесь цыган. Впоследствии подавляющее большинство из них также погибло. Еще одним преступлением режима стала реализация программы эвтаназии. В соответ-

ствии с декретом 1933 г. «О защите здоровья нации» было принято решение о «предупреждении появления потомства, больного наследственными болезнями». В рамках этой программы проводилась массовая насильственная стерилизация неизлечимо больных, а также лиц с психическими расстройствами (к 1937 г. — до 168 тыс. чел.). С началом войны было принято решение об эвтаназии — «смерти из милости». Летом 1940 г. для этих целей было создано Имперское общество лечебных и попечительских учреждений, в которых было умерщвлено 60—75 тыс. немцев. Обеспечение «расовой чистоты» в мировом масштабе становилось и ключевой задачей внешней политики нацистской Германии.

Для нацистов грядущая война обладала еще одним глубинным смыслом — она представлялась горнилом, сквозь которое должна была пройти сама немецкая нация. Тотальная война, война с привлечением всех сил и' ресурсов нации, полным единением народа, государства и армии, использованием всех возможных методов и средств должна была воскресить расу нибелунгов, очистить ее от скверны слабостей, предрассудков, жалости к себе и окружающему миру. Немцы должны были стать единственными победителями в этой тотальной войне или быть уничтоженными.

Первый период войны принес Германии эйфорию великих побед, положение господствующей державы континента, постоянный поток товаров и сырья из покоренных стран. Немецкая армия бесспорно превосходила своих противников по тактическим схемам ведения боевых действий, профессионализму офицерского корпуса, моральной и физической подготовке личного состава, жесткой решительности политического руководства, степени предварительной мобилизованности ресурсов. Нацистскому режиму удалось превратить страну в единый военный лагерь. С образованием имперского Министерства вооружения и боеприпасов под руководством Ф. Тодта была преодолена разрозненность административного управления различных отраслей экономики. Власть Альберта Шпеера, сменившего в 1942 г. погибшего в авиакатастрофе Тодта, стала уже всеохватывающей. В соответствии с «Новой организацией хозяйственного управления» военно-

экономическое руководство приобрело диктаторские формы. Доля военной продукции в ВВП была доведена с 15 % в 1940 г. до 50 % в 1944 г. Производство боеприпасов за тот же период увеличилось в 3 раза, оружия — в 9 раз. Практически полностью были мобилизованы трудовые ресурсы. В 1943 г. трудовая повинность была распространена на мужчин от 17 до 65 лет и женщин от 17 до 45 лет. Продовольственное обеспечение было переведено на карточную систему. Для финансирования военного производства использовались всевозможные средства — дополнительная эмиссия, кредит, повышение налогов, иностранные займы и контрибуции с побежденных стран. Это позволило увеличить ежедневные расходы с 155 млн марок в начале войны до 289 млн марок в начале 1945 г. Всего общие расходы в годы войны составили 630 млрд марок.

В конечном итоге, выдержать тотальную войну против всего мира Германии оказалось не под силу. Уже в начале 1943 г. в ходе военных действий произошел коренной перелом. Стратегическая инициатива необратимо перешла к странам антигитлеровской коалиции: Военные поражения и полное напряжение сил к 1944 г. разительно изменили общественные настроения в стране. Усилия официальной пропаганды давали все меньший эффект. Нарастающий скептицизм в отношении будущей победы, недовольство ухудшающимися условиями жизни и огромными человеческими потерями в ходе боев и авиационных бомбардировок сопровождалось усилением недоверия к высшему руководству страны. Символической стала попытка покушения на Гитлера, осуществленная 20 июля 1944 г. группой офицеров под руководством К. фон Штауффенберга. Провал путча привел к дальнейшему ужесточению нацистской диктатуры. Террор коснулся высших эшелонов власти. Однако насилие не могло восстановить веру в идеалы национал-социализма и гений фюрера. С конца 1944 г. военные действия переместились на территорию Германии. Началась предсмертная агония обреченного режима. Она проходила в условиях стремительно углубляющегося экономического кризиса, полного истощения системы потребления, массированных бомбардировок промышленной инфраструктуры, дезорганизации гражданского управления. К весне 1945 г. перемещение эвакуированных и беженцев стало совершенно хаотичным.

Нацистское руководство использовало тактику «выжженной земли», отдавая приказы о разрушении военных, гражданских и культурных объектов на оставляемых территориях, об умерщвлении сотен тысяч заключенных концлагерей. В огонь войны были брошены многочисленные батальоны «народного ополчения» («фолькс-штурма»), составленные из необученных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. В стране нарастал острый психологический кризис. Массовые настроения усталости, апатии, неверия в необходимость дальнейшего сопротивления соседствовали с крайними проявлениями фанатизма. Самоубийство Гитлера 30 апреля 1945 г. и окончание боев в Берлине сняло этот психологический шок: безоговорочная капитуляция была воспринята большинством населения с видимым облегчением. История Третьего Рейха завершилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сознания различных групп общества в условиях нацистского тоталитаризма сильно гиперболизировались, найдя в новосозданной государственности подходящую почву для процветания. Примером этому может служить организация "мужского сообщества" СС по типу средневекового рыцарского ордена» Именно с созданием фашистского государства в Германии, с его феноменальной организацией и организованностью, такая черта немецкого сознания, как ощущение себя как «частичного», «дробного» человека, получила интенсивное развитие. Необходимость осознания себя как частицу большого и сложного механизма находилась в полной гармонии с усилиями нацистов по созданию сверхмощной организации. Будь то уже упомянутое "мужское сообщество" СС, молодежная организация, общество собаководов, Министерство пропаганды, полиция и т. д. Безусловным успехом нацизма было то, что он смог гармонизировать чувство дробности, желание ощущать себя частицей, винтиком в каком-либо большом и надежном механизме, смог гармонизировать стремление немцев к организации в более мелком масштабе или организованности в более мелком масштабе, чем государство, чувство корпоративного эгоизма. Нацизм сумел вывести целый ряд противоречий за пределы государственной машины и сумел создать структуру, в которой немец чувствовал себя вполне комфортно.

Фашизм оказался политическим движением и идеей, которые соответствовали в целом различным сторонам и характеристикам национального сознания. Исходя из этого, фашизм в Германии можно назвать теорией, рационализирующей историческое прошлое и особенности сознания немцев, приводящей их в определенным образом построенную систему.

Подводя итог, можно выделить следующие черты сознания общественных групп в Германии, характеризующие нацию в период фашистской диктатуры.

1. Превалирование чувства землячества над национальным чувством. Особенности исторического развития Германии привели к тому, что национальное чувство немцев находилось в зависимости от чувства "малой Родины". Данный феномен

выделяет немцев из ряда других европейских народов и является важным фактором этнокультурного развития Германии. Нацизм, проповедуя этническую целостность, предложил обществу расовую теорию как форму гомогенизации нации. Нацизм не явился причиной деградации земляческого чувства, он указал лишь пути сближения немецких земель. Не унижая чувства "малой Родины", нацизм, таким образом, оказался способом преодоления различий в рамках национального чувства.

2. Нормированность, необходимость включенности в структуру. Осознание себя как человека нации имело вторичный характер. Определяющим фактором было трепетное отношение к государству, как организующей, направляющей, нормирующей системе. Нацистское государство являло собой пример сверхмощного государства, выполняющего деструктивную задачу.

3. Конфронтационность. Необходимость в постоянном конкуренте является неотъемлемой чертой национального сознания немцев. Наличие такого конкурента, соперника, врага служило объединяющей силой. Нацистский режим смог создать максимально конфронтационную среду, когда образ врага воплощался не только в виде государства с антагонистической политической системой, например: Англия, Советский Союз, но и гипотетического глобального врага в виде "мирового еврейства. По существу такие черты, как ненависть к буржуазному либерализму, большевистскому интернационализму, антисемитизм, ставили в оппозицию нацизму почти весь мир, который собственно и представлялся совокупностью враждебных ценностей и доктрин. С другой стороны, конфронтационность определялась еще и неприязненным отношением к немцам со стороны других народов и, главным образом, европейского окружения» Это неприязненное отношение с утверждением нацистского режима только усилилось и стало причиной отождествления антифашизма и антигерманизма.

4. Стремление к порядку. Стремление жить по установленным нормам, боязнь смуты и смутного времени, природная организованность, боязнь дезорганизу-

щих общественно-политических перемен и революций стали факторами сближения основных положений программы национал-социализма и традиционного настроения немцев жить в условиях стабильного порядка.

5. Автаркия. Политическая, экономическая, культурная автаркия полностью соответствовала стремлению немцев жить в условиях самодостаточности. Она позволяла обособиться от внешнего мира с его "разлагающей идеологией", неверным "самоубийственным миропорядком". Фашизм не признавал каких-либо экономических, культурных и, за редким исключением, политических связей и представлял собой феномен закрытого государства.

6. Абсолютное подчинение авторитетам. Данное явление наиболее полно продемонстрировал Миллгрэм в своих психологических экспериментах. В сознании общества в Германии в период 1933-1945 гг. оно имело огромное значение.

Всем вышеперечисленным определяются основные черты сознания общества в нацистской Германии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. - М; Серебряные нити, 2001.-416с.
- Э. Фромм. Анатомия человеческой деструктивности.
- Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. – СПб.: «ЮВЕНТА», 1996. 382 с.
- Райх В. Психология масс и фашизм / В. Райх. – М: Университетская книга, 1997. – 223 с.
- Роберт Чалдини Психология влияния - 3-е издание. - СПб: Мастера психологии. 2008 г.
- Васильченко, Андрей. Арийский миф III Рейха. - М: Яуза-Пресс, 2008.
- Ватлин, Александр. Германия в XX веке. - М: РОССПЭН, 2002.
- Воропаев, Сергей. Энциклопедия Третьего Рейха. - М: ЛОКИД-МИФ, 1996.
- Галкин, Александр. Германский фашизм. - М: Наука, 1989.
- Гитлер, Адольф. Моя Борьба. - М: Т-ОКО, 1992.
- Грицанов, Александр. История философии: Энциклопедия. - Минск: Интерпрес-сервис, 2002.
- Гудрик-Кларк, Николас. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культуры и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890—1935. - СПб: Евразия, 1993.
- Левит, Светлана. Культурология. XX век. Энциклопедия. Издание в двух томах. - Санкт-Петербург: Университетская книга; 000 "Алтейя", 1998.
- Мельников, Даниил; Черная, Людмила. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. - М: Новости, 1991.
- Патрушев, Александр. Германия в XX веке. - М: Дрофа, 2004.
- Патрушев, Александр. Германская история. - М: Весь мир, 2003.

- Рахшмир, Павел. Происхождение фашизма. - М: Наука, 1981.
- Чайлд, Гордон. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. - М: Центрполиграф, 2007.
- Ширер, Уильям. Взлет и падение третьего рейха. Издание в двух томах. - М: Воениздат, 1991.
- Демидченко В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды. - М: Политология. – 2015.
- Лазебный Л. И. Политическое сознание: отражение, регуляция, ценности. – М.: ПрофПресс, 2008.
- Исаев Б.А. 2008. Теория политики. – СПб: Питер. – 464 с.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г Кара-Мурза. – М: Алгоритм, 2004. .
- Философия: Учебник под редакцией Ю.А. Харина. - Минск. "ТетраСистемс" 2006г.
- А.Г.Спиркин: Сознание и самосознание. - М.Политиздат, 1972г
- Фест И.К. Гитлер. Биография, тт. 1–3. - Пермь, 1993
- Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. - М: Памятники исторической мысли, 1996
- Алексеев А.К, Дудченко В.С. Контент-анализ как специфический способ «прочтения» текстов // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). - М: 2006.
- Баранов А.В. Опыт текстового анализа газеты // Количественные методы в социальных исследованиях. Инф. бюлл. ИКСИ АН. 2003. № -Общая социология: Учебное пособие /Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М: ИНФРА-М, 2008.
- Г. Филатов. История фашизма в Западной Европе. - М: 2006.

Пленков О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. — СПб: Издательский дом «Нева», 2004. — 480 с. — (Секретные материалы). — 3500 экз. — ISBN 5-7654-3707-9.

Пленков О.Ю. Третий Рейх. Арийская культура. — СПб: Издательский дом «Нева», 2005. — 480 с. — (Секретные материалы). — 4000 экз. — ISBN 5-7654-4041-X.

Пленков О.Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера : (Очерк истории и идеологии). — СПб: Издательский дом «Нева», 2004. — 480 с. — (Секретные материалы). — 4000 экз. — ISBN 5-7654-3523-8.